

ПЕРЕВЕРЗЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**«АДВОКАТУРА:
прошлое, настоящее, будущее»**

СОДЕРЖАНИЕ

Переверзевские чтения: «Адвокатура — прошлое, настоящее, будущее»... 3	
<i>Лир А. И.</i> Адвокатура на Алтае и в Западной Сибири в конце XIX начале XX века..... 9	9
<i>Юдаев А. Ю.</i> Сравнительный анализ института адвокатуры в Российской Империи, СССР и в современной России 17	17
<i>Егоян Г. Ж.</i> Адвокат — защитник Родины 24	24
<i>Ермакова О. В.</i> Актуальные вопросы квалификации «должностных» преступленийё 27	27
<i>Гаврилин Г. Г.</i> Необходимость актуализации принципа состязательности в суде присяжных..... 34	34
<i>Тарада А. Б.</i> Аспекты формирования деловой репутации адвоката, начинающего свой профессиональный путь 43	43
<i>Фролов М. В.</i> Психологические риски адвокатской деятельности 49	49
<i>Васильков К. А.</i> Требования к образованию адвоката в свете последних законодательных изменений в разрезе совершенствования порядка его получения..... 55	55
<i>Сироткина Е. В.</i> Особенности юридической помощи, оказываемой лицам с психическими расстройствами здоровья 65	65
<i>Черномырдин И. Н.</i> Пределы необходимой обороны: вопросы совершенствования 85	85
<i>Романычев А. В.</i> Повышение уровня ответственности работы адвоката на фоне возобновления дискуссии о возможности возврата применения смертной казни 93	93
<i>Пичугин А. С.</i> Адвокатская монополия: правовые и социальные аспекты 100	100

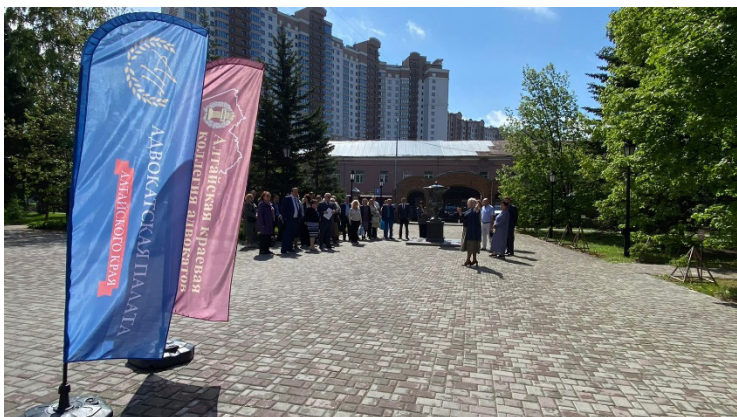
**ПЕРЕВЕРЗЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
«АДВОКАТУРА — ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»**

22 мая 2024 года в Барнауле в Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтай впервые прошли «Переверзевские чтения: Адвокатура — прошлое, настоящее, будущее» посвященные памяти первого председателя Алтайской краевой коллегии адвокатов Афанасия Павловича Переверзева. Мероприятие организовано Алтайской краевой коллегией адвокатов и Адвокатской палатой Алтайского края.

Местом проведения первых «Переверзевских чтений» здание музея выбрано не случайно. В этом здании с 1911 по 1917 год располагался Барнаульский окружной суд, а после Великой Отечественной войны и до 1991 года находился Алтайский краевой суд. Главный зал, где прошли «Переверзевские чтения», ранее был залом судебных заседаний, в котором на протяжении десятков лет выступал в качестве защитника адвокат А.П. Переверзев.

А.П. Переверзев возглавил Алтайскую краевую коллегия адвокатов в 1938 году и руководил ею до 1970 года. Его руководство прерывалось двумя войнами — Советско-финской, куда он ушел добровольцем, и Великой Отечественной. Афанасий Павлович прошел боевой путь от стен Москвы до Восточной Пруссии. Закончил войну в звании майора на должности заместителя командира 21-го гвардейского стрелкового полка. За свой ратный труд Афанасий Павлович награжден орденами Красного знамени и Отечественной войны II степени и медалью «За боевые заслуги».

После демобилизации в 1947 году Афанасий Павлович вернулся к адвокатской деятельности и в 1949 году вновь возглавил Алтайскую краевую коллегия адвокатов. Его энергия и профессионализм, глубокое знание закона и человечность были примером для коллег. Как наставник он воспитал несколько поколений адвокатов, пять адвокатов, которых он привел в профессию стали заслуженными юристами России.

«Переверзевские чтения» — это дань уважения памяти этого замечательного человека, это повод вспомнить историю алтайской адвокатуры, посмотреть на ее настоящее и попытаться взглянуть в будущее нашей адвокатуры.

Открыла «Переверзевские чтения» президент Адвокатской палаты Алтайского края Галина Владимировна Харламова, рассказав о жизненном и трудовом пути Афанасия Павловича Переверзева.

Состоялось торжественное награждение медалью имени А.П. Переверзева ветерана Алтайской краевой коллегии адвокатов Людмилы Гавриловны Лапутиной. Еще одна медаль имени А.П. Переверзева отправилась в город Алейск, награду получила Людмила Терентьевна Катренко, которая без малого 58 лет работает адвокатом, и сегодня полна энергии, всецело отдается любимому делу.

Медаль имени Афанасия Павловича Переверзева была учреждена президиумом Алтайской краевой коллегией адвокатов в 2023 году первым кавалером этой награды стала Татьяна Михайловна Павлова, возглавлявшая Алтайскую краевую коллегия адвокатов с 1986 по 1992 год.

К участникам «Переверзевских чтений» с видеообращением выступила президент Федеральной палаты адвокатов Светлана Игоревна Володина.

С приветственным словом обратился президент Адвокатской палаты Республики Алтай Евгений Егорович Жданов.

С докладами выступили адвокаты Адвокатской палаты Алтайского края, и доктор юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии БЮИ МВД России Ольга Владимировна Ермакова.

К «Переверзевским чтениям» была подготовлена экспозиция, рассказывающая об истории адвокатуры Алтайского края и о трудовом пути Афанасия Павловича Переверзева. Были представлены уникальные фотографии и документы, связанные с жизнью А.П. Переверзева, в том числе и из личного дела партийного учета Крайкома ВКП(б), рассекреченного только в 2024 году и хранящемся в Государственном архиве Алтайского края. Большую помощь в поиске информации о жизни и деятельности А.П. Переверзева оказала главный архивист отдела использования и публикации документов КГКУ Москва Елена Ивановна.

Все докладчики и участники конференции «Переверзевских чтений» получили памятные сертификаты.

Все докладчики и участники конференции «Переверзевских чтений» получили памятные сертификаты.

«Переверзевские чтения» станут традиционными, это будет ежегодная площадка для повышения профессиональной квалификации адвокатов, для диалога и взаимодействия с юридическим сообществом.

АДВОКАТУРА НА АЛТАЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Лир Александр Иванович, адвокат
«Алтайская краевая коллегия
адвокатов»
Адвокатская контора г. Барнаула*

Профессиональная адвокатура в России появилась в результате судебной реформы 1864 года, и была самой молодой в Европе. С момента появления она заявляла о решительном отказе от родства со своими дореформенными предтечами — ходатаями, стряпчими, ябедниками. Новая адвокатура не хотела иметь ничего общего с этим «крапивным семенем».

Присяжный поверенный П.А. Потехин заявлял: «Мы родились не из них, мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди; ни исторического родства, ни последовательной связи с ними не имеем, чем можем гордиться»¹. Но как мы увидим в дальнейшем, адвокатура вобрала в себя не только блестящих представителей юридического сообщества, но и получила в свой состав представителей, которые взяли из прошлого худшие черты ходатаев и ябедников.

Народившаяся адвокатура стал явление не только в правовой и судебной сфере, он становится значимым и ярким фактором обще-

---

¹ Потехин П.А. Отрывки из воспоминаний адвоката. — Право, 1900, № 47 стб. 2220. Цитируется по кн. Троицкий Н.А. «Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866-1895 гг.» — М.: Мысль, 1979. С. 183.

ственной и политической жизни Российской Империи. Имена таких корифеев как Плевако, Александров, Стасов, Спасович, Карабчевский гремели по всей стране.

Но Судебная реформа коснулась не всей территории Российской империи. Во многих губерниях реформа шла с существенными отклонениями от Судебного устава 1864 г. Суды присяжных не избирались в губерниях, городах и районах, где не было введено местное самоуправление; на национальных окраинах, где население плохо говорило по-русски; а также в Сибири и на Кавказе, ввиду их большой удаленности от столицы.

Новые законы декларировали полную независимость адвокатуры от властей, для этого предусматривалось создание Советов присяжных поверенных в губерниях. В 1866 году созданы Советы присяжных поверенных в Петербурге и Москве, через 8 лет в 1874 году в Харькове. И на этом все, создание новых независимых советов было запрещено властями. Все остальные советы присяжных поверенных создавалось при окружных судах и были полностью подконтрольны им. Барнаульские адвокаты входили в совет Присяжных поверенных при Омском окружном суде.

Царские власти смотрели на адвокатуру с враждебной подозрительностью. За Петербургским и Московским Советами присяжных поверенных был установлен надзор вначале жандармам III отделения, а затем и департаментом полиции.

Но не только с пристальным вниманием царских властей столкнулась зарождающееся сообщество российской адвокатуры. Общество в России встретило появление сообщества присяжных поверенных насторожено, можно сказать, что до 70-х годов XIX века отношение враждебное. Лишь политические процессы 70-х годов смогли переломить негативное отношение общественного мнения к российской адвокатуре.

Стоит отметить, что оснований для негативного отношения к адвокатуре было достаточно. «В число присяжных поверенных попадали люди, которые сами смотрели на адвокатуру, как на «торговлю словом», и давали повод обществу судить о ней подобным образом».¹

---

¹ Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866-1895 гг. — М.: Мысль, 1979. С.202.

Общество в России встретило появление сообщества присяжных поверенных насторожено. Пресса преподносила адвокатов в не приглядном виде, авторы соревновались в сочинительстве ругательных эпитетов в их адрес — «прелюбодеи мысли», «брехунцы», «прокаты»¹. Лишь политические процессы 70-х годов смогли переломить негативное отношение общественного мнения к российской адвокатуре.

Стоит особо отметить, что сами присяжные поверенные, а не государственная казна несли бремя расходов по защите подсудимых по назначению суда. Адвокаты отчисляли 10% от гонорара, полученного за ведение дел по соглашению, из этих денег выплачивалось вознаграждение адвокатам осуществляющих защиту по назначению суда.

Судебная реформа шла неравномерно, и касалась не всей территории России. Урал, Сибирь, Дальний восток, Средняя Азия, долгое время оставались вне действия многих положений Судебных уставов 1864 года.

До начала XX века окружные суды всецело завесили от местной администрации и носил ярко выраженный сословный характер, отсутствовало равенства сторон, и обвиняемый не имел права на защиту. Численность населения сибирских городов была небольшой, в Барнауле проживало 21 тыс. жителей, в Бийске 17 тыс., в Колывани 12 тыс., это затрудняли создание городского самоуправления, которые не всегда были в состоянии избрать мировых судей, а поэтому зачастую их функции выполняли чиновники.

Царская власть всячески оттягивала полноценное введение в действие норм Судебного устава 1864 года, мотивируя неготовностью Сибири к полноценной реформе, большим количества бывших ссыльных и каторжных, проживающих на этой территории, и отсутствием средств в казне на эти мероприятия.

25 февраля 1885 года вводятся «Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурской крае». В Сибирское судопроизводство наконец вносятся элементы состязательности, что усилило потребности в поверенных. Однако официально вопрос об организации адвокатуры в Сибири не ставился, и роль за-

---

¹ Троицкий Н.А. Царизм... С. 202-203.

щитников в суде продолжали играть случайные люди. С введением «временных правил» положение с защитой существенно не улучшилось. В 1896 году в журнале «Северный вестник» отмечалось, что «среди сибирских защитников преобладающим контингентом по-прежнему являются разные проходимцы»¹.

В 1897 году в Сибири вводятся Судебные уставы 1864 года, но опять с ограничениями. В Западной Сибири ждать ведения суда присяжных пришлось еще 13 лет, в Тобольской и Томской губерниях суд присяжных действовал с 1909 года. В Восточной Сибири и Приамурском крае суд присяжных так и не был учрежден.

В 1897 году на смену Томскому губернскому суду приходит Томский окружной суд.

Судебно-следственная система страдала от отсутствия людей с юридическим образованием. В 1888 году был открыт Томский государственный университет, но юридический факультет был создан только спустя десять лет — в 1898. При такой административно-правовой обстановке появление присяжных поверенных в Сибири носило единичные случаи.

Фактически адвокатура Западной Сибири этого времени, существовавшая в виде частных поверенных, представляла собой неорганизованную массу. Судебные чиновники, привыкшие к всевластию, препятствовали формированию профессиональной адвокатуры.

Сразу же после создания Томского окружного суда в 1897 году было подано 25 прошений о получении статуса присяжного поверенного. Половине соискателей было отказано под различными предлогами. Принятые для всей России «облегченные правила» приема в число присяжных поверенных на территорию Сибири не распространялись. Все эти факторы приводили к тому, что в Сибири активно распространилась уличная (подпольная) адвокатура.

Адвокаты ехали в Сибирь по собственной инициативе, старались выбирать своим местом жительства крупные сибирские города. В Томске имеется четверо присяжных поверенных и несколько частных приехавших из России. (Сибирская газета 1897 г.)

---

¹ Арефьев Н. В Сибири. // Северный вестник. 1896. №1. С. 55.

Юридические услуги в основном оказывали так называемая «подпольная адвокатура». Она формировалась на Алтае и в других регионах Сибири примерно одинаково, это «уволенные за «плутни» канцеляристы, штрафные чиновники, отставные военные, выгнанные со службы полицейские, завсегдакаи кабаков, высланные по уголовным делам. Последняя категория была наиболее многочисленной и влиятельной».

В Журнале «Сибирские вопросы» один из юристов, филолог по образованию, выступавший два года в качестве защитника в одном Западно-сибирском городке, в том числе и в делах с участием присяжных заседателей, подробно описал состояние сибирского правосудия, подпольных адвокатов и казенных защитников. По состоянию на 1912 год, по утверждению данного автора, скрытого за псевдонимом «И.Т.», в крае царит «подпольная» адвокатура, состоящая из лиц с темным прошлым. Они активно действуют в области гражданских исков. Уголовный процесс им доступен в период предварительного следствия или же после вынесения приговора, когда нужно писать жалобу. Выступить в суде по уголовным делам они не могут, но зато «принимают на себя хлопоты по ведению переговоров с нужными свидетелями»¹.

Малое количество присяжных поверенных их загруженность делами, огромные пространства Сибири, ставили сибирские суды в тяжелое положение, и вынуждали по-разному решать вопросы обеспечения защиты подсудимых. Упомянутый филолог, ставший защитником, сообщал практике назначения казенных защитников, с которой он сталкивался лично: «Суд сам бывает поставлен в затруднительное положение, когда ему предстоит назначить защитника. В большинстве случаев в этой ответственной роли выступают исполняющие должность помощника секретаря даже не из кандидатов на судебные должности с высшим юридическим образованием, а из мелких канцелярских чинов, сопровождающих суд в качестве писцов. Мне приходилось видеть таких защитников. Только что, за предыдущим процессом, он сидел за секретарским столом, где вел протокол судебного заседания, а вот он уже за столом защи-

---

¹ И.Т. На поприще адвокатуры // Сибирские вопросы. 1912. №11-12 с. 24

ты, все такой же молчаливы, безучастный. Допрос свидетеля проходит мимо него. Обычно он присоединяется ко всем ходатайствам прокурорской власти, защитительная же «речь» бывает коротка и убедительно: «Прошу снисхождения» или: «Прошу оправдать». Декорум соблюден, в протокол занесено, что подсудимый имел защиту, что защитник в своем заключительном слове ходатайствовал об оправдании или снисхождении. В протоколе нередко бывает больше слов, чем на самом деле их произнес защитник. Такие дела проходят быстро, как по шаблону.»¹

Власти с одной стороны понимали все проблемы, которые несет подпольная адвокатура, но одновременно опасались укрепления позиций легальной адвокатуры. Чиновники и правительство с большим недоверием относились к попыткам объединения сообщества присяжных поверенных. Первый совет присяжных поверенных в Сибири был создан при Иркутской судебной палате 24 ноября 1904 года, но просуществовал он недолго, и был ликвидирован в годы первой русской революции 1905–1907 годов.

В 1911 году при Омской судебной палате был создан Совет присяжных поверенных объединивший сибирских адвокатов. Стоит отметить и еще одну особенность сибирского правосудия, постоянные переезды, мировые судьи в пределах своего участка, судьи окружных судов в пределах своих округов. Учитывая это, присяжные поверенный не могли проживать в городах, куда окружной суд наведывался на выездную сессию всего несколько раз в год. Поэтому присяжные поверенные колесили вслед за судебным составом, оставляя на месяцы свою клиентуру в местах постоянного проживания.

Сообщество присяжных поверенных по мере своих сил старалось бороться с подпольной, кабацкой адвокатурой. И одним из самых действенных средств против «юридических знахарей» стали юридические консультации.

Юридические консультации не предусматривались судебными уставами, но сам ход судебной реформы 1864 года, подталкивал общество присяжных поверенных к их созданию. Юридические консультации стали одной из форм легального объединения адвокатов.

---

¹ И.Т. На поприще адвокатуры // Сибирские вопросы. 1912. №11-12 с. 25-26

В Сибири юридические консультации появились только в начале XX века в Томске, Барнауле, Омске, Иркутске. Они стали важным инструментом не только юридической помощи широким слоям населения, но и формой самоорганизации адвокатуры. Но после революции 1905–1907 годов, и повышения политической активности адвокатского сословия, самодержавие усмотрело в них, как и в иных корпоративных организациях присяжных поверенных, угрозу существующему политическому режиму. 2 марта 1909 г. Сенат распорядился закрыть консультации, ссылаясь на то, что вопрос об их существовании законодательно не решен. 22 сентября 1909 г. Томский окружной суд упразднил Томскую юридическую консультацию.

Не смотря на трудности формирования сообщества присяжных поверенных в Сибири, адвокатура развивалась и росла численно. В 1897 году на территории Томского судебного округа было только 8 присяжных поверенных, 8 помощников и 5 частных поверенных, то к концу 1902 года присяжных поверенных и их помощников было 16, а частных поверенных — 10. В 1907 году адвокатский корпус составлял 87 человек.

В 1910 году учрежден Барнаульский окружной суд. Барнаульский, Бийский, Кузнецкий и Змеиногорский уезды были изъяты из ведения Томского окружного суда и подчинены ведению Барнаульского окружного суда. Необходимость создания нового окружного суда обусловлено массовым переселением крестьян в Сибирь в начале XX в. В ходе столыпинских реформ. Большой наплыв нового населения вел к росту преступности и, как следствие, к увеличению количества рассматриваемых в Томском окружном суде уголовных дел, увеличением количества выездных сессий окружного суда. Создание нового Барнаульского окружного суда было насущной необходимостью, и его появление стало знаковым событием для всего региона.

В 1914 году на территории современного Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей работали 48 присяжных поверенных, столько же помощников присяжных поверенных и 26 частных поверенных. Наибольшее число адвокатов практиковали в г. Томске.¹

---

¹ Есть такая профессия — людей защищать история адвокатуры Алтайского края. 2017. Барнаул. С. 22

Начало Первой Мировой войны, в августе 1914 года, отразилось и на деятельности адвокатуры и судебных учреждений. «В окружном суде по многим делам отсутствуют свидетели, вследствие взятия их на военную службу; часто не бывает и подсудимых по той же причине. Некоторые местные адвокаты плачутся, что в связи с войной у них сократилась практика. «Совсем нет дел», — нередко можно услышать от них».¹

Своей яркой правозащитной и общественной деятельностью вошли в историю адвокатуры Западной Сибири присяжные поверенные Г.И. Жерновков и А.А. Шиша из Новониколаевска (Новосибирск), Г.Д. Няшин и Е.Д. Лури, Н.Ф. Бончковский из Барнаула, Т.И. Никитин из Бийска.

Развитие адвокатуры в Сибири, и в частности на Алтае, проходило не благодаря, а вопреки существующему самодержавному режиму. Многочисленные ограничения, контроль со стороны окружных судов, престольное внимание со стороны департамента полиции, все это существенно усложняло деятельность присяжных поверенных. Огромные пространства Сибири, бедное и немногочисленное население не позволяло адвокатам Сибири сравниться с уровнем благосостояния своих коллег из европейской части России. И тем ценнее значении труда сибирских присяжных поверенных, которые в таких условиях осуществляли свои профессиональные обязанности, защищая права людей.

---

¹ Газета «Жизнь Алтая» № 194, 19 октября 1914 г.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Юдаев Александр Юрьевич, адвокат
«Алтайская краевая коллегия
адвокатов»
Адвокатская контора г. Барнаула*

Важнейшим показателем цивилизованного общества является наличие в нем эффективного правозащитного механизма. В настоящее время в государстве создается надежная правовая база, которая призвана обеспечить незыблемость закрепленного в ст.2 Конституции Российской Федерации положения о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Современное состояние правовой системы Российской Федерации характеризуется наличием новых законов. Примечательно, что практически любой современный закон требует, чтобы его применяли квалифицированные специалисты. Это вызвано не только сложностью его толкования, но и тем, что государство должно вступать с гражданином в равные, партнерские отношения. Данное требование нашло наглядное выражение в Конституции Российской Федерации, в ст.48 которой каждому лицу гарантируется возможность получения квалифицированной юридической помощи, а в предусмотренных законом случаях — получение данной помощи бесплатно.

Изучение истории развития российской адвокатуры помогает понять многие аспекты ее прошлой деятельности, объективно подойти к изучению того состояния, в котором оказалась сегодняшняя адвокатура, наметить некоторые пути ее дальнейшего развития.

Прежде всего, следует отметить как очевидный факт, что развитие адвокатуры (как деятельности и как организации) — это социально обусловленная необходимость. Функциональная (деятельная) сторона этого явления, исторически всегда предшествовавшая организационной (структурной), во многом определяет, механизм и характер объединения лиц, профессионально занимающихся этой работой. Организация должна соответствовать задачам и видам деятельности. Долгое время адвокатская работа не позволяла ее исполнителям создать нужное им объединение. На этом пути были серьезные поиски, крайности, значительные трудности и крупные ошибки.

Принципиальным в развитии адвокатуры было и остается то, что адвокатская жизнь и ее развитие всегда в первую очередь является делом самих лиц, работающих в ней. Государственное вмешательство носило вынужденный характер. Он заключался, прежде всего, в корректировке функций или структуре адвокатуры. Такая позиция органов власти имела для адвокатуры двойственное значение. С одной стороны, издавая законы, государство в определенной мере заботилось о развитии адвокатуры, а с другой, провозглашая их, но, не обеспечивая исполнение, не помогая адвокатам, — ставила перед ними новые препятствия, трудности, проблемы, причем очень часто — надуманные, искусственные, субъективные.

В результате оказывалось, что, наделив адвокатуру серьезными обязанностями, государство не давало адвокатам прав и возможностей, необходимых для исполнения поставленных задач. Отсюда становятся понятными многие негативные явления в адвокатуре, ее сегодняшнее невысокое положение в обществе, необязательное отношение к ее просьбам и запросам, вынужденная терпимость адвокатской деятельности со стороны работников правоохранительной системы, да пожалуй, и самого государства.

Так было очень недавно. Почти такое же положение остается и сегодня. Государство, в силу ряда причин, очень часто забывает, что

адвокатура — это не чьи-то субъективные желания, а вынужденная социальная необходимость. Общество, да и само государство, его органы, в том числе и правоохранительные, не могут существовать без адвокатуры. Она — общественный противовес в механизме государственно-правовой власти с ее законами, непосильными налогами, уголовным преследованием, обвинением, многолетней судебной и следственной волокитой и т.п.

Адвокатура всегда была и остается негосударственной саморазвивающейся системой, которая живет по ее собственным внутренним законам. Игнорировать это, не замечать действующих здесь закономерностей нельзя ни государству, ни обществу, ни, тем более, самой адвокатуре. Задачи обеих сторон — осознать серьезность института адвокатуры, познать ее закономерности, максимально использовать имеющиеся у адвокатуры возможности и обеспечивать ее дальнейшее развитие

Таким образом, целью данной работы является исследование процесса развития адвокатуры.

Двадцатого ноября 1864 г. указом императора были объявлены Судебные уставы, которые вводили новые принципы судоустройства и судопроизводства. Судебные уставы состояли из четырех законов: Учреждения судебных установлений, Устава уголовного судопроизводства, Устава гражданского судопроизводства и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Судебная реформа в корне изменила судоустройство, процессуальное и отчасти материальное право Российской империи. Она отделила судебные органы от административных и законодательных. Был введен суд присяжных, реорганизована прокуратура, освобожденная от функции общего надзора и сосредоточившаяся на работе в суде.

Согласно новому законодательству, была создана адвокатура. Организация адвокатуры в России с соответствующим правовым статусом её членов не имела аналогов ни в одной из стран Европы. Отличалась она сравнительной самостоятельностью. Так, во всех государствах Европы, кроме Америки, за советом адвокатов надзирал прокурор, а в России высший надзор за действиями присяжных поверенных принадлежал судебной палате и Сенату. В судебных засе-

даниях судьи были лишены права немедленно налагать на присяжных поверенных дисциплинарные взыскания.

В 1935 г. адвокатура пострадала от чистки, проходившей по всей стране с разной степенью интенсивности и влияния. Но, правда, в ноябре 1936 г., может быть, потому, что адвокатов признали неизбежным злом, был организован отдел правовой защиты в Комиссариате Юстиции СССР (хотя поначалу он не имел большого влияния). Сама структура адвокатуры, право ее рядовых членов избирать членов президиума и председателя — все это затрудняло контроль над ней.

В 1939 г. «Закон об адвокатуре» заменил коллегии защитников коллежиями адвокатов. Согласно этому закону адвокаты больше ходили на производственные единицы, действующие под руководством заведующего (единоличного управляющего), чем на юристов. Свободно организованные коллективы упразднялись, а всех адвокатов переводили в юридические консультации, которые должны были подчиняться президиуму коллегии адвокатов. Хотя, без сомнения, в основе модели консультации лежала дореволюционная консультация, более мощный механизм контроля был уже характерной чертой эпохи сталинизма. Заведующие были прямо подчинены президиуму, а не общим собраниям. Больше не разрешалась частная практика, за исключением особых обстоятельств в сельских районах, где практиковали врачи и учителя. Юрисконсульты больше не могли быть членами коллегии адвокатов. Более того, главным для адвоката было его политическое лицо.

Начиная с этого времени, у адвокатов появились дополнительные побудительные мотивы к вступлению в Коммунистическую партию, даже если они и не отдавали ей своих идеологических предпочтений. Фактически адвокатура привлекла многих людей идеалами законности в противовес партийности.

К концу сталинского периода адвокаты стали получать более или менее системное образование. В 1935 г. были созданы юридические институты. Однако адвокаты продолжали получать образование отдельно от других работников юстиции. К 1950 г. все адвокаты должны были, как минимум, закончить курс, эквивалентный степени бака-

лавра права, далее они объединялись с другими будущими юристами в школах права.

Н.С. Хрущев, который пришел на смену Сталину, стремился усилить роль права и профессиональных юристов в строительстве социализма. Адвокатам защиты предоставлялось гораздо больше возможностей участвовать на более ранних стадиях уголовного разбирательства дел некоторых категорий клиентов в результате внесения изменений в Основы уголовно-процессуального законодательства СССР и в отдельные уголовно-процессуальные кодексы союзных республик. Предоставлялось больше прав защите, защитнику разрешалось представлять несовершеннолетних, инвалидов, людей, не говоривших на языке, который использовался в суде, с начала предварительного расследования.

Изменение государственного строя в стране в 90-х гг. XX в. кардинально повлияло на деятельность адвокатуры в России. Несмотря на это, правовые отношения в данной сфере в течение многих лет регулировались принятым еще в 1980 г. Положением об адвокатуре РСФСР, которое, естественно, давно устарело и не отвечало ни демократическим преобразованиям, происходящим в обществе, ни реальному положению дел в адвокатской деятельности.

Весной 2001 г. в рамках проводимой в стране судебной реформы Президентом Российской Федерации был внесен проект Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Он был принят парламентом и вступил в силу 1 июля 2002 г. [121], который в настоящее время регламентирует адвокатскую деятельность в нашей стране.

Принятие этого Закона стало одним из важнейших элементов судебной реформы. Закон упорядочил организационные условия деятельности адвокатуры, установил общие требования к претендентам на приобретение адвокатского статуса, уравнивал в правах и обязанностях всех работающих в стране адвокатов. Объединение адвокатских образований, разделенных ранее, в Федеральную палату адвокатов, несомненно, способствовало повышению профессионального уровня, правовой культуры, корпоративной солидарности российской адвокатуры.

Закон обеспечил правовое регулирование вопросов деятельности адвокатуры, ее взаимодействия с органами государственной власти

и органами местного самоуправления, предусмотрел гарантии независимости адвокатов и адвокатских организаций.

Адвокатура — исторически необходимый социально-правовой институт, зачатки которого находились еще в древних цивилизациях.

Впервые адвокатура возникла в России в рамках правовых реформ 1864 г. Судебная реформа в корне изменила судоустройство, процессуальное и отчасти материальное право Российской империи. Она отделила судебные органы от административных и законодательных. Был введен суд присяжных. Гарантом прав личности на суде выступила адвокатура.

Введение на территории Российской Империи в действие судебных уставов учредило профессиональную адвокатуру. В ее задачи, помимо защиты по уголовным делам, входило представительство сторон в гражданском процессе и оказание иной юридической помощи населению, включая бесплатные консультации для бедных.

В советский период адвокатская деятельность была довольна строго очерчена законами об адвокатуре и различными положениями и инструкциями. Совершенно естественно (точнее, видимо, противозачем), что административно-командная система общества не была никак заинтересована в создании сплоченных формирований юристов-профессионалов, ориентированных в своих действиях на защиту интересов граждан.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обеспечил правовое регулирование вопросов деятельности адвокатуры, ее взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления, предусмотрел гарантии независимости адвокатов и адвокатских организаций, закрепление положения о том, что в каждом субъекте Российской Федерации существует только один орган корпоративного самоуправления адвокатов — адвокатская палата.

Закон определил адвокатуру как институт гражданского общества, профессионального сообщества адвокатов, ставящего целью защиту прав, свобод и интересов личности, общества и государства, признал публичный характер деятельности адвоката, регламентировал условия и порядок приобретения и лишения статуса адвоката, закрепил формы

организации адвокатской деятельности, основанные на принципах независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) М., 2004.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2004.
3. Федеральный Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (Собрание законодательства РФ.10.06.2002. № 23. Ст.2102).
4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (Собрание законодательства РФ.14.08.1995 № 33. Ст.3349).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2003 г. № 400 «О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда» (Российская газета. № 134.10 07.2003).
6. Кодекс профессиональной этики адвоката. Принят Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (Российская юстиция. № 10.2003).
7. Декрет о суде от 22 ноября 1917 г. (Декреты Советской власти. Т.I. М., 1968).
8. Закон СССР «Об адвокатуре в СССР» от 30 ноября 1979 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст.846).
9. Закон РСФСР «Положение об адвокатуре РСФСР» (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29. Ст.450).
10. Закон РСФСР «Об утверждении положения об адвокатуре РСФСР» от 20 ноября 1980 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1980. № 48. Ст.1596).
11. Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири и правила о введении в действие судебных уставов, с сенатскими и министерскими разъяснениями. — СПб., 1897.
12. История русской адвокатуры. М., 1997.
13. Карабчевский Н.П. Около правосудия. СПб., 1908.

АДВОКАТ — ЗАЩИТНИК РОДИНЫ

Егоян Герегин Жорович
Адвокат Коллегии адвокатов
«Лига».

История Алтайской адвокатуры интересна, извилиста и разнообразна. Она неразрывно связана с историей нашей страны. Наши коллеги, и мы, прошли, и проходим все испытания временем вместе с нашей страной, оставляя большие или меньшие следы в истории.

Адвокат — это не только высококлассный специалист, это прежде всего гражданин и человек. Именно такие люди оставляют свой след в истории, и мы равняемся на них и учимся у них. Профессионализм только в связке с высокими личными качествами адвоката делают его настоящим защитником.

1938 год — фактическое рождение Алтайской Краевой Коллегии Адвокатов. И как вы знаете, первым председателем президиума был избран Афанасий Павлович Переверзев. Его биография — это срез образа жизни и мыслей всего адвокатского сообщества того тяжелого для страны времени. Классовый подход, партийные чистки, открытый незаконный террор, подготовка к войне, война наконец. Но величие человека и заключается в том, что несмотря на все преграды и трудности — любовь к Родине, жертвенность ради нее, не смешивается с личными обидами или жизненными невзгодами. Если это было необходимо Родине, которая вечна, в отличие от правительств

и изгибов истории. Настоящий адвокат всегда становился ее защитником, прежде всего как гражданин и человек.

И Афанасий Павлович Переверзев тому пример. Став 16 декабря 1938 года председателем президиума АККА, он в феврале 1940 года уходит добровольцем (!) на советско-финскую войну. С поста председателя — солдатом на войну!!! Именно потому, что чувствует свою личную ответственность за Родину. По возвращении вновь становится председателем АККА и исполняет свои обязанности до 25 июня 1941 г. И вновь на войну с немецко-фашистскими захватчиками, пройдя ее всю от Москвы до Восточной Пруссии. От командира отделения до помощника начальника штаба полка. Демобилизован только в 1947 году. На груди ордена и медали. За храбрость, доблесть и прежде всего — любовь к Родине. При этом, не многим известно, что не все так гладко в жизни складывалось у Афанасия Павловича. И в его жизненной истории был 1938 год, и его судили, и его отстранили от работы и исключали из партии «за связи с врагами народа». Но любовь к Родине и личные обиды, как видим, не замещают друг друга, если эта любовь есть.

И хотелось бы обратить внимание, что Афанасий Павлович Переверзев — не герой-одиночка. Нам надо помнить, что более 150 (!) адвокатов АККА защищали нашу Родину на полях сражений во время ВОВ и позже. Во время ВОВ состав коллегии адвокатов уменьшился на 55% численности. И это с учетом женщин и пожилых работников. Фактически все мужчины ушли на фронт, защищать Родину и многие не вернулись.

Это нужно помнить нам, а не им. Помнить погибших и помнить вернувшихся адвокатов. Помнить, что адвокат Федор Ильич Гусев был участником Парада Победы. Анатолий Федорович Хорошилов воевал и с Германией и с Японией. А Дмитрий Иосифович Остролуцкий, работавший до 90 годов прошлого века, на фронте был тяжело ранен — лишился ног и все равно работал адвокатом еще около 50 лет. Адвокаты Гурьев Б.И., Нефедов А.Г., Чекалин В.Г., Тихонов С.К., Манаков А.И., — одно перечисление просто фамилий наших алтайских адвокатов-ветеранов займет ох как не мало времени. Помните их.

А история и время не стоят на месте. Прошло время, подросло новое поколение, но видимо каждое поколение имеет свою войну. А каждое время требует своих героев. Афганистан. И вновь на защите интересов нашей Родины стоят алтайские адвокаты. Щуковский Виталий Александрович, Канарский Владимир Николаевич, Шипунов Виктор Александрович, Егоян Гарегин Жорович. И двигало ими — не мифический государственный строй, правительство, а чувство долга, совести и любовь к Родине. Это сейчас, с развитием интернета, телевидения, мы видим наглядно — что такое война, как это страшно. А тогда было все так же, но не так заметно. А ведь солдату не важно, летит в него высокоточный снаряд, либо просто ржавый осколок или пуля. Каждый отдал Родине то — что смог, то — что у него было. Без остатка.

И вот опять СВО. По действующему законодательству, адвокатов не мобилизуют. Но мы помним, что настоящий гражданин — чувствует свою Личную ответственность за Родину. Прямо сейчас. В настоящий момент. В боевых действиях участвуют тот же адвокат АККА Щуковский Виталий Александрович. И это наглядный пример сомневающимся, что дело тут не в системе государства, а в любви и готовности самопожертвования ради Родины. Это лейтмотивом проходит через наши поколения — «..раньше думай о Родине, а потом о себе».. Адвокат Сухоруков Андрей Яковлевич. Ушел добровольцем вслед за сыном!! И теперь сын и отец, в реальных боях вместе, отстаивают рубежи нашей Родины.

Все эти люди, кого я назвал и не назвал — не просто фамилии и история. Это наши коллеги. У них такие же чувства, родители, дети, планы. Они любят мир и жизнь. Но когда встаёт вопрос об интересах Родины — личная ответственность, совесть — становится мериллом настоящего гражданина и человека. Я горжусь такими людьми. И нам всегда есть чему и у кого учиться, с кого брать пример.

У этой истории наших алтайских адвокатов — защитников Родины, защитников нашей страны, нашего будущего, видимо есть начало, но нет конца. Мы всегда уверены, мы готовы и знаем, что если потребуется — то как и наши коллеги прошлого и настоящего, встанем в ряды воинов. Ради жизни, детей, внуков, будущего. Мы это знаем. Мы это помним.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ «ДОЛЖНОСТНЫХ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Ермакова Ольга Владимировна
Врио начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического
института МВД России, доктор
юридических наук, доцент*

Квалификация преступлений, являясь залогом реализации принципов законности и справедливости, имеет первостепенное значение для обеспечения прав и интересов лица, совершившего общественно опасное деяние, а также назначения обоснованного наказания. В условиях противодействия преступлениям в сфере государственной власти вопросы правильности и точности квалификации приобретают особое значение.

При этом следует констатировать, что осуществление процесса установления тождества между уголовно-правовыми нормами, закрепленными в гл. 30 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) и совершенным должностным лицом деянием характеризуется сложностью, что объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, регламентация составов преступлений против государственной власти отличается многообразием обязательных признаков, без установления которых невозможно привлечение к уголовной ответственности; во-вторых, предписания главы 30 УК РФ являются смежными, вследствие чего произвести отграничение достаточно проблематично; в-третьих, имеют место трудности толкования признаков «долж-

ностных» преступлений (и это несмотря на наличие постановлений Пленума Верховного Суда РФ №19 и №24).

Первой проблемой выступает установление преступных последствий в составах «должностных» преступлений. В частности, в большинстве составов именно преступные последствия являются кримиобразующими признаками, отсутствие которых превращает преступление в дисциплинарное правонарушение (ст. 285, 286, 286¹, 288, 293 УК РФ).

Законодательная регламентация преступных последствий позволяет сделать вывод, что их наличие требует установления 2 основных характеристик: 1) качественной — наличие нарушений прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства; 2) количественной — проявляется в показателе существенности¹.

Вместе с тем как показывает анализ судебной практики из 83 включенных в выборку приговоров по ст. 285 и 286 УК РФ, размещенных на официальных сайтах судов субъектов РФ, в 19 — суды ограничиваются «механическим» цитированием формулировки преступных последствий, предложенной законодателем (22,9%), в 7 приговорах приведена констатация существенного нарушения прав, но не конкретизирован адресат нарушенных прав (8,4%). И даже когда в приговоре содержится мотивированное описание преступных последствий (таких приговоров в выборке 57, что составляет 68,7%), не всегда представленные формулировки отличаются юридической грамотностью (например, «нарушено конституционное право человека на теплое жилье² и т.д.).

В связи с изложенным необходимо констатировать, что правоприменители не во всех случаях устанавливают оценочные преступные последствия, что негативно сказывается на признании квалификации обоснованной.

Оценочный характер преступных последствий неоднократно выступал предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ (определение от 23 марта 2010 г. № 368-О-О) и Верховного Суда РФ.

---

¹ См.: Коляхин В. П., Романченко Н. В. Злоупотребление должностными полномочиями: проблемные вопросы // Эпомен. 2020. № 44. С. 120–125.

² Например: Архив Нижегородского гарнизонного военного суда. URL: [https:// rospravosudie.com](https://rospravosudie.com) (дата обращения: 27.04.2024).

Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор, прекратив производство по уголовному делу за отсутствием в деянии состава преступления, поскольку «переименование улицы в селе не повлекло существенного нарушения прав и наступления каких-либо последствий, связанных с причинением морального, физического или имущественного вреда личности»¹.

Проблемы в правоприменении возникают и при вменении квалифицированных составов, в которых преступные последствия выражены в оценочном понятии — тяжкие последствия (ч. 3 ст. 285, п. «в» ч.3 ст. 286 УК РФ). Очевидно, что в этом случае имеет место установление двойных оценочных категорий, не имеющих четких критериев определения. Неопределенность последствий в основном и квалифицированном составе предопределяет, что для квалификации по данным нормам необходимо признание последствий не только существенными, но и еще и тяжкими.

Так, Верховным Судом РФ действия А. были переквалифицированы с ч. 3 ст. 285 УК РФ на ч. 1 ст. 285 УК РФ. Суд первой инстанции обосновал тяжесть последствий тем фактом, что действия сотрудника полиции А., отпустившего И., несмотря на нахождение в его автомобиле предметов, похожих на пистолеты, повлекло возможность совершения последним разбоя. Между тем, само по себе совершение в дальнейшем И. тяжкого преступления не влечет наступление тяжких последствий, как квалифицированной разновидности общественно опасных последствий, предусмотренных в ч. 3 ст. 285 УК РФ².

В части толкования преступных последствий, исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, можно выработать следующие рекомендации:

- установление адресата нарушенных прав и свобод (это могут быть не только физические, но и юридические лица, общество в целом либо государство);
- конкретное отражение прав и (или) интересов. В этой части следует иметь в виду, что применительно к гражданам и юридическим

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.02.2013 № 21-Д12-8 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8. С. 33–36.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ по уголовному делу № УД22-54-К1 // <https://vsrf.ru> (дата обращения: 27.04.2024).

лицам вред может причиняться как правам, так и интересам. Что касается общества и государства, то возможно нарушение лишь интересов;

– обоснование существенности размера вреда. Применительно к гражданам, это лишь права, гарантированные международными документами и Конституцией РФ. Если речь идет об организации, интересах общества и государства, то «привязка» к указанным нормативным правовым актам не требуется (что не исключает обязанность компетентных органов доказывать существенность нарушения прав и интересов).

Вторая проблема квалификации «должностных» преступлений связана с установлением общественно опасного деяния, выступающего обязательным признаком любого состава преступления. После введения в 2022 году в состав превышения должностных полномочий квалифицирующего признака «из корыстной или иной личной заинтересованности» единственным признаком, отграничивающим составы преступления, предусмотренные ст. 285 и 286 УК РФ выступает деяние. В результате лишь четкое установление полномочий должностного лица позволит осуществить точную квалификацию.

В соответствии с прямым указанием законодателя превышение должностных полномочий совершается только в активной форме¹.

Анализ судебной практики показывает, что суды квалифицируют умышленное невыполнение своих обязанностей по ст. 285 УК РФ. К примеру, М., являясь сотрудником органов внутренних дел, получил информацию о владении Э. наркотическим средством. С целью получения незаконного вознаграждения от последнего, М. произвел задержание и предложил передать деньги в размере 5000 рублей за не составление протокола².

Следует поддержать вывод о признании такого бездействия разновидностью злоупотребления, а не превышения по следующим обстоятельствам: во-первых, должностное лицо обладало полномочиями

---

¹ Проблемы квалификации отдельных видов преступлений: учебное пособие/ О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, Л.Я. Тарасова, О.А. Шатилова, Д.А. Маракулин, В.В. Мальченкова, О.М. Шаганова. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. — С. 21-24.

² Уголовное дело № 1-49/20. Бутырский районный суд. <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 27.04.2024).

по принятию решения относительно вынесения протокола; во-вторых, тот факт, что лицо не составило протокол вследствие незаконных действий, направленных на получение вознаграждения нельзя расценивать как превышение, поскольку в представленной ситуации незаконность относится к действиям по получению взятки, что образует самостоятельный состав преступления.

Анализируя обоснованность квалификации в представленном примере отметим, что почему-то судом не дана оценка факта действий, направленных на получение взятки. Полагаем, суду следовало бы вменить приготовление к получению взятки, т.е. должностное лицо создает условия, однако принятие взятки (даже части) не состоялось по независящим обстоятельствам.

Целесообразность вменения совокупности преступлений поддерживается и многочисленными примерами судебной практики.

Например, Д., занимая должность участкового уполномоченного полиции, прибыла в магазин, в котором осуществлял предпринимательскую деятельность ИП П., предложила за передачу вознаграждения не составлять протокол по факту реализации товара, содержащего чужой товарный знак. П. передал денежные средства в сумме 5000 рублей. Деяние, совершенное Д. судом квалифицировано по ч.1 ст. 285, ч.1 ст. 291² УК РФ¹.

Таким образом, осуществляя отграничение злоупотребления и превышения должностных полномочий, необходимо производить оценку наличия у должностного лица определенных прав. Тот факт, что лицо совершает данные действия незаконно, не влияет на квалификацию преступления и правильность применения ст. 285 УК РФ.

Необходимо отметить сложность толкования признака явности для исследуемого вида преступлений, так как в большинстве случаев должностное лицо не осведомлено об объеме предоставленных полномочий. Поэтому с учетом принципа субъективного вменения, в таких ситуациях не представляется обоснованным привлечение к уголовной ответственности. Иная ситуация имеет место при подписании должностным лицом должностного регламента при станов-

---

¹ Уголовное дело № 1-197/2020. Чкаловский районный суд г. Екатеринбурга. [https:// consultant.ru](https://consultant.ru) (дата обращения: 27.04.2024).

лении на должность. В этой ситуации отсутствуют препятствия для ознакомления с объемом представленных прав и возложенных обязанностей, следовательно, их незнание нельзя расценивать в качестве препятствия для применения ст. 286 УК РФ¹.

Третья проблема квалификации «должностных» преступлений связана с обязательностью установления мотива. При этом если раньше данное требование относилось лишь к составам преступлений, предусмотренным ст. 285 и 292 УК РФ, то в настоящее время распространяется и на ст. 286 УК РФ.

Следует отметить, что среди альтернативных мотивов, закрепленных в диспозициях исследуемых составов, наибольшей сложностью отличается личная заинтересованность, предполагающая стремление лица получить выгоды нематериального характера.

Так, С., желая принести пользу воинской части, зная о совершении подчиненным Ф. дисциплинарного проступка потребовал передать 200000 рублей для ремонта помещений части. Органами следствия действия были квалифицированы по ч.2 ст. 290 УК РФ. Однако суд переквалифицировал данное деяние на ч.3 ст. 30, ч.1 ст. 285 УК РФ, указав, что С. использовал свои полномочия, вопреки интересам службы².

Вывод суда относительно отсутствия в действиях С. состава получения взятки обоснован и подтверждается не установлением в материалах дела факта извлечения должным лицом какой-либо имущественной выгоды (такое разъяснение приводится в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ №№24). Однако предложенная судом квалификация вызывает критическую оценку по следующим основаниям: у должностного лица не может быть полномочий, связанных с требованием предоставления вознаграждения, следовательно, данные действия образуют превышение. К тому же, судом в данном решении не обоснованно наличие личной заинтересованности (в свою очередь корыстный интерес исключается по причине требований передачи имущества не для личного обогащения). Уста-

¹ <http://covs.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 27.04.2024).

² Ермакова О. В., Ермаков С.В. Недостатки законодательной регламентации общественно опасного деяния и последствий в составе превышения должностных полномочий // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2023. — № 3(64). — С. 22-27.

новление стадии совершения преступления также вызывает вопросы, поскольку нарушение прав подчиненного, интересов государства уже позволяет признать данное преступление оконченным.

Таким образом, квалификация «должностных» преступлений должна основываться на полном и четком установлении объема полномочий должностного лица, характере и существенном размере преступных последствий, а также корыстного или личного мотивов совершения общественно опасного деяния. Только в этом случае, применение той или иной нормы уголовного закона будет соответствовать принципам законности и справедливости, а также обеспечивать соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Список использованной литературы:

1. Ермакова О.В., Ермаков С.В. Недостатки законодательной регламентации общественно опасного деяния и последствий в составе превышения должностных полномочий / О.В. Ермакова, С.В. Ермаков // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2023. — № 3(64). — с. 22-27.
2. Коняхин В. П., Романченко Н. В. Злоупотребление должностными полномочиями: проблемные вопросы // Эпомен. 2020. № 44. с. 120–125.
3. Проблемы квалификации отдельных видов преступлений: учебное пособие/ О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, Л.Я. Тарасова, О.А. Шатилова, Д.А. Маракулин, В.В. Мальченкова, О.М. Шаганова. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. — 93 с.

НЕОБХОДИМОСТЬ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

*Гаврилин Г.Г. к.ю.н., адвокат НО
«Коллегия адвокатов Алтайского
края «Бизнес и право»»*

По материалам выступлений:

1. На международной научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления Российской государственности». (Томский государственный университет 25-27.01.2024 г.)

2. На конференции «Переверзевские чтения «Адвокатура: прошлое, настоящее, будущее».22.05.2024г Адвокатская палата Алтайского края.

3. На Всероссийском круглом столе «Суду присяжных 30 лет: проблемы становления и развития» Юридический институт АГУ.24.05.2024 г.

Прошедшее тридцатилетие со дня возрождения суда присяжных в Российской Федерации — срок, достаточный для выводов о том, насколько оправдались надежды, возлагаемые на эту форму судопроизводства, о которой так много и оптимистично говорилось в юридическом сообществе в конце 90-х годов, когда суд присяжных был введен в порядке эксперимента в 10 регионах Российской Федерации, в том числе и в Алтайском крае. Можно ли сегодня говорить об эф-

фективности суда присяжных как формы судопроизводства? Безусловно, в ряде аспектов да, однако по мере развития суда присяжных проблем меньше не стало.

Считаю, что главной здесь была, есть и остается проблема, которую еще в 1994 г. отмечал И.П.Петрухин (1) «...не будет подлинно состязательного судебного процесса, если не предоставить адвокатуру права самостоятельно собирать и представлять суду доказательства».

Недостаточная правовая процессуальная урегулированность, субъективизм и несбалансированность прав сторон в уголовном процессе — всё это наиболее очевидно проявилось с введением суда присяжных. Действительно, сегодня защитник в суде присяжных фактически не может предоставить присяжным всех возможных и необходимых доказательств, о необходимости которых он ранее ходатайствовал, если они не были удовлетворены следствием.

Объективный анализ процессуальных норм свидетельствует, что с принятием нового УПК РФ ожидание реального процессуального обеспечения равенства прав стороны защиты с правами стороны обвинения не оправдалось.

И это притом, что ранее, в период создания СНГ, вектор устремлений прогрессивных юристов был направлен на унификацию процессуального законодательства своих стран, в том числе на повышение прав защитника в уголовном процессе. Это привело к принятию Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств. Названный законодательный акт был принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 г. Постановлением 7-6 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. Принятый на Ассамблее УПК носил рекомендательный характер. Опуская вопрос о полноте и успешности внедрения положений Модельного кодекса законодательными органами стран СНГ в действующие УПК, сосредоточимся на понимании того, внедрены ли эти рекомендации в Российский УПК. Если сопоставить положения статей 15, 16, 86 УПКРФ, формально направленных в защиту, с положениями статьи 28 указанного Модельного уголовно-процессуального кодекса, становится очевидным, что российский законодатель предпочел по-прежнему нивелировать

статус защитника как стороны в уголовном процессе и оставить его процессуальное положение фактически прежним, не наделив его реальными правами на стадии следствия.

Например, статья 28 Модельного уголовно-процессуального Кодекса (Состязательность уголовного судопроизводства) насчитывает 8 положений, в числе которых есть обязанность суда, предусмотренная пунктом 6: «Суд по ходатайству стороны оказывает ей содействие в получении необходимых материалов в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом». В Российском же УПК вместо прямого указания в статье на обязанность суда оказывать содействие, законодатель предпочел оставить в пункте 3 статьи 15 размытую формулировку о создании лишь *условий* для исполнения их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Но в условиях практического отсутствия процессуальной регламентации прав защитника в уголовном процессе, необходимой для реальной состязательности, создать необходимые условия для защиты невозможно. Очевидно, что понятие прямой обязанности суда *оказывать содействие* не тождественно аморфной формулировке *создать условия*.

Российский законодатель создал лингвистически и юридически противоречивую ситуацию. С одной стороны, в статьях 15 и 16 УПК РФ декларируется состязательность сторон с обеспечением прав. В статье 86 УПК РФ закреплены немногочисленные права защитника по собиранию доказательств без какой-либо его регламентации и практической возможности для реализации этих прав. С другой стороны, законодатель ввел положения подпункта 3 пункта 2 статьи 38 УПК РФ, которым предоставляет права следователя самостоятельно определять ход следствия. На практике это привело к повсеместным отказам следствия в удовлетворении ходатайств, заявленных защитой по сбору тех или иных доказательств по основанию их «нецелесообразности». Такая ситуация в совокупности с положениями статьи 15 УПК РФ и известной «тайной следствия» делают весьма затруднительной в период расследования деятельность защитника по обнаружению, сбору и закреплению доказательств в защиту прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности. При этом положение

пункта 4 статьи 15 УПК РФ представляется нам не более как декларативной юридической дефиницией.

Проблема терминологии является актуальной абсолютно для всех отраслей деятельности. В рамках же юриспруденции от точности терминологии в законодательных документах зависит точность выражения воли законодателя и, как следствие, продуктивность применения законов. Возникают вопросы: что дает защитнику положение статьи 15 в условиях действия положения статьи 38 УПК РФ? В чем выражается состязательность сторон и как на практике реализовывать на стадии досудебного производства право защитника и обвиняемого на сбор доказательств по уголовному делу? Пресловутыми запросами о получении справок и т.п.? Достаточно ли это присяжным для вынесения вердикта в пользу подсудимого?

Как верно считает В.В. Ясельская (2) что «представляется нелогичным, когда ходатайства, направленные на получение оправдательных доказательств, защитник адресует процессуальному противнику». Таким образом, законодатель закрепил в действующем УПК РФ абсолютный приоритет в праве следователя — принимать решение о необходимости сбора доказательств, о появлении которых аргументирует и ходатайствует защита. Сегодня судьба человека, привлекаемого к уголовной ответственности, практически всецело зависит от следователя, обладающего законодательной монополией на формирование объема и перечня доказательств по расследуемому уголовному делу, направляемому в суд.

Формальная возможность обжаловать отказ следователя в удовлетворении ходатайства защиты по сбору доказательств, на практике проблему не решает и порой это заканчивается вежливым отклонением жалобы. Складывается впечатление, что на стадии разработки проекта действующего УПК РФ в состав разработчиков проекта не входили юристы-защитники. Понятно, что игнорирование необходимости разработки процессуальных положений по обеспечению хотя бы ограниченного равенства прав стороны защиты на сбор и представление доказательств, уже собранных или о которых ходатайствует защитник, приведет если не к ликвидации, то, по меньшей мере, к нивелированию института защиты в уголовном процессе.

С момента принятия в 2001 году нового УПК РФ законодателем было принято около 300 поправок, но при этом роль защитника принципиально не изменилась. Он по-прежнему лишен реальной возможности поиска, сбора и закрепления доказательств в необходимом для защиты объеме, как на стадии следствия, так и в суде, особенно если уголовное дело рассматривается с участием суда присяжных. В условиях вышеуказанной законодательной самостоятельности следствия формальное обращение с жалобой в порядке статьи 123 УПК РФ к прокурору также проблемы не решает, так как такая необходимость для обвиняемого и его защитника обычно возникает после ознакомления со всеми материалами уголовного дела. Эффективность решения проблемы при этом нивелируется по причине истечения (в силу положений статьи 217 УПК РФ) процессуальных сроков расследования уголовного дела. Отказ в рассмотрении жалобы прокурором объясняется, как правило, тем, что дело уже направлено в суд. Круг замкнулся. Считаем, что отчасти указанная проблема уменьшилась бы в случае законодательного установления судебного контроля на этапе расследования уголовного дела. Конечно, следственный судья при этом не должен подменять осуществление функции судьи по уголовному делу, а должен выносить свое решение о значимости заявленных защитой обстоятельств для уголовного дела лишь при поступлении жалобы от лиц, указанных в части 2 статьи 159 УПК РФ. Отсрочка принятия решения по жалобе не нарушит прав заявителей, так как в рассматриваемом случае её удовлетворение следственным судьей автоматически повлечет необходимость продления следствия для осуществления дополнительных следственных действий, вытекающих из судебного акта, вынесенного следственным судьей, что может не входить в планы стороны обвинения. Таким образом, считаем, норма части 2¹ статьи 159 УПК РФ становится реально действующей. Потенциальные возражения оппонентов об «утечке тайны» содержания материалов уголовного дела в период его расследования опровергается:

— необходимостью предоставления в суд, рассматривающий жалобу в порядке статьи 125 УПК РФ на нарушение конституционных

прав лиц участников уголовного судопроизводства, доказательств из материалов расследуемого уголовного дела.

— наполнение поступающих в суд уголовных дел материалами и доказательствами защиты и судебного производства по делу с минимизацией необходимости восполнять недоработки следствия дополнительными процессуальными действиями или же возвращением дела прокурору по основаниям отсутствия в них доказательств, появление которых реально делает возможным обеспечить равную состязательность сторон в процессе,

— усилением контроля за следствием со стороны компетентных органов и лиц, наделенных на то полномочиями.

Пока же содержание статьи 15 и части 3 статьи 86 УПК РФ не обеспечивает реальных прав защитника по сбору доказательств и появлению их в материалах уголовного дела на стадии досудебного производства. И перспектив, позволяющих надеяться на изменение процессуального законодательства нет. Поэтому сегодня нет оснований говорить, что права защитника могут быть реализованы до завершения следствия и совершения процессуальных действий, регламентированных положениями статьи 217 УПК РФ. В подтверждение сказанного отметим, что существующая досудебная система расследования уголовного дела не содержит достаточных возможностей для полного процессуального контроля следствия. На этапе судебного судопроизводства это приводит к тому, что гособвинитель становится заинтересованным лицом в поддержании объема обвинения, определенного следователем и предъявленного подсудимому, или в высказывании возражений суду по заявленному в процессе ходатайству о возвращении материалов уголовного дела прокурору. Причина этого понятна: гособвинитель является также работником прокуратуры, утвердившей обвинительное заключение. Все изложенное практически привело к явному дисбалансу прав и возможностей спорящих сторон по предоставлению им доказательств в суде присяжных.

Сегодня успех адвоката в разрешении уголовного дела судом присяжных во многом определяется тем, насколько полно в уголовном деле собраны объективные доказательства: вещественных доказа-

тельства, заключения экспертов, специалистов и т.п., то есть того, что наименее подвержено субъективной оценке.

Считаю, что объективизация доказательств — реальная основа, на которой может и должна образовываться в судебном процессе общность между председательствующим и коллегией присяжных для более эффективного решения задач, возложенных на эту форму судопроизводства. Представляется необходимым процессуально расширить права присяжных и предусмотреть, что в ряде случаев объективизации доказательств и более аргументированному вердикту присяжных может способствовать проверка и уточнение показаний на месте и эксперимент, аналогичный следственному, что требует от законодателя соответствующей поправки в УПК РФ.

Следует также упомянуть, что существующая судебная практика свидетельствует о недопустимом диспаритете в статистике обвинительных и оправдательных приговоров, выносимых судами РФ. Аналогично усматривается диспаритет в количестве отмененных апелляционной инстанцией оправдательных приговоров, вынесенных судами первой инстанции, поставленных на основе вердикта присяжных, по сравнению с отменными обвинительными приговорами, вынесенными также по первой инстанции судами присяжных.

Из сказанного можно сделать выводы.

1. В Российском судопроизводстве юридический статус защитников на порядок ниже статуса следователей или государственных обвинителей, с чем объективно нельзя согласиться.

2. Следует признать несовершенство действующего УПК в части наличия в нем противоречий между отдельными процессуальными нормами закона и недостаточной регламентацией отдельных прав, направленных на защиту лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, в том числе по поиску, сбору и процессуальному закреплению доказательств защиты.

3. Следует актуализировать и дополнительно изучить предложение, сформулированное автором и д.ю.н. В.К.Гавло еще в 2000 г. о необходимости введения в процесс с участием суда присяжных института судебных экспертологов. Это позволит (1) объективизировать доказательства, например, в случае получения судом присяжных раз-

ных экспертных заключений по одному и тому же факту, поскольку судебный эксперт уже по ходу судебного следствия может дать свое заключение о соответствии использованных экспертом методик научным требованиям и о полноте проведенных им исследований в свете требований ФЗ «О государственной экспертной деятельности в РФ»; (2) более полно, всесторонне и объективно производить судебные действия, в том числе производить допрос экспертов в суде присяжных; (3) уменьшит количество апелляционных жалоб и протестов по основаниям оспаривания доказательств, полученных на основе экспертизы, поскольку в суде присяжных будет при допросе эксперта присутствовать судебный эксперт по соответствующей отрасли знания, который предварительно ознакомился с экспертным заключением.

Считаю, что изменение сложившейся практики уклонения российских судов от необходимости восполнения в ходе судебного производства недоработок следствия по наполнению материалов уголовных дел доказательствами защиты приведет к повышению эффективности суда присяжных и снизит процент уголовных дел, возвращаемых судами прокурорам для приведения обвинительных заключений, в строгое соответствие с УПК РФ, как предусмотрено положениями статьи 1.

4. Необходимо вернуться к нереализованной идее судебного контроля расследования уголовного дела, без чего возможна полная ликвидация понятия состязательности.

Введение института следственных судей может сделать предварительное следствие более состязательным. Преимущества такого подхода: судебная функция по рассмотрению и разрешению процессуальных вопросов на предварительном следствии существенно выравнивает возможности сторон обвинения и защиты. Гарантируется достоверность судебных доказательств, а также незамедлительная передача дела в суд. Становится реальной возможность так называемого параллельного («адвокатского») расследования. Уменьшается бюрократический документооборот в органах следствия, поскольку доказательства признаются допустимыми следственным судьёй. Высвобождается время для эффективного раскрытия преступлений.

Воспользовавшись названием статьи О.И. Андреевой, заключим, что только тогда право на защиту может стать «реальным и практически осуществимым и неиллюзорным» (3).

Литература:

1. Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие. (К 100-летию М.С. Строговича). — М.: Наука. 1994. с. 128-137.

2. Ясельская В.В. Проблема реализации принципа состязательности на стадии предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. №1 (19). с. 122-124

3. Андреева О.И. Право на защиту должно быть реальным, практически осуществимым и неиллюзорным // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. с. 10-14.

4. Отчерцова О.В. Введение института следственных судей: станет ли предварительное следствие более состязательным?// Российская юстиция.2015. №8 с. 63-66.

5. Свиридов М.К. Отношения следователя и защитника в процессе собирания доказательств //Уголовная юстиция.2021 №18. с. 71-73

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ АДВОКАТА, НАЧИНАЮЩЕГО СВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ

*Александр Борисович Тарада
Адвокатская контора № 1
Октябрьского района г. Барнаула*

Адвокат, начинающий свой профессиональный путь — это человек, ставший носителем одной из самых уникальных, незаурядных профессий, существующих на земле, человек, прежде всего достойный уважения.

Обращаясь к понятию деловая репутация, необходимо, прежде всего, отметить составляющие этого термина.

Собственно, деловая репутация — это уровень доверия лиц имеющих отношение к адвокатской деятельности (коллег, судей, прокуроров, представителей правоохранительных органов), а также реальных и потенциальных клиентов.

В современной цифровой и правовой реальности полагаю возможным подразделить деловую репутацию начинающего адвоката на следующие элементы (составляющие)

1. Деловая репутация среди коллег (адвокатов)

В общении с коллегами (адвокатами) необходимое всего иметь возможность обратиться за советом, не бояться быть неправильно понятыми, и таким образом минимизировать вероятность которые

могут привести к отрицательным последствиям для клиентов, и как следствие, умаление деловой репутации.

В данном случае открытость начинающего адвоката для коммуникативного общения поможет исключить молчаливость самого адвоката и не позволит коллегам сформировать мнение о недавно сдавшем квалификационный экзамен коллеге как о избегающем общения или не уверенным в себе.

2. Деловая репутация, формируемая при общении с судьями прокурорами, представителями правоохранительных органов

При участии в различных видах судопроизводств (в том числе гражданском, уголовном) а также на предварительном следствии) ключевое значение для становления собственной репутации будет иметь собственное самообладание, которое поможет преодолеть включая страх, и возможную неуверенность в себе.

Изначально стабильная самооценка всегда должна помочь отстоять требования закона в интересах клиента (например, при попытке ознакомить адвоката с материалами уголовного дела в не подшитом и не пронумерованном виде в нарушение ст. 217 УПК РФ).

При общении и работе в суде в первую очередь необходимо иметь деловой внешний вид, как основ отношения к адвокату, как участнику процесса.

Нередко судьи формируют мнение об адвокате уже с первых минут общения, и репутация складывается уже при входе в зал судебного заседания. Кардинальная разница усматривается, если адвокат одет в деловой костюм, и, напротив, если нет.

Когда речь идет об уверенности и самооценке, необходимо готовиться к судебному заседанию, ориентироваться в ситуации, как вариант конспектировать предстоящие вопросы для лиц, участвующих в деле.

Вполне возможна ситуация, при которой адвокату, впервые перешагнувшего порог отдела полиции, или следственного комитета будет задан вопрос: «А мы Вас раньше не видели, давно работаете (и как вариант, который год).

Как правило, подобные вопросы задают специально, чтобы в дальнейшем при защите интересов доверителя попытаться «бравировать»

данным обстоятельством, приводя доводы о том что «так действовать не стоит, спросите у более опытных коллег».

Абсолютно исключена должны быть ситуация, когда адвокату предлагают явиться на следственные действия, и либо заранее предупредить, что подзащитного «не будет», либо об этом адвокат может узнать, прибыв на место проведения следственных действий. Обязательно должна быть реакция адвоката, в виде сообщения, либо жалобы вышестоящему руководству. Нельзя просто так оставить данную ситуацию, в противном случае, следователь может так и не осознать, что грубейшим образом нарушает УПК РФ

3. Деловая репутация, определяемая уровнем доверия реальных, а также потенциальных клиентов

Полагаю, что, несмотря на опыт, наличие или отсутствие статусности адвоката, начинающему профессионалу необходимо неукоснительно соблюдать положения п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым «Адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения».

Успешная деловая репутация начинающего адвоката, добившегося своих целей (например при удовлетворении исковых требований в пользу клиента), поможет ориентироваться, и определять достойный размер вознаграждения за свой труд в начале карьеры.

Обозначив сроки подготовки процессуальных документов для конкретного клиента, недопустимо без уважительных причин переносить эти сроки, кроме того, недопустимо не выходить на связь к обозначенному времени, не брать трубку.

Если возникает подобная ситуация, необходимо заранее уведомить клиента, и не позволить зародиться сомнения что вы не только готовы, к обозначенному времени, но еще и игнорируете ожидание клиента, не говоря о документах, готовность которых привязывается в процессуальным срокам соответствующих видов судопроизводств.

Говоря о деловой репутации и — по отношению к конкретному адвокату, необходимо понимать, что это в конечном итоге, это так же репутация адвокатского образования, а также всего адвокатского сообщества в Российской Федерации.

Поскольку деловая репутация — это нематериальный актив, то это драгоценное благо, требуется защищать

Положительная оценка клиентами, физическим и юридическим лицами (обществом) профессиональных качеств адвоката и его добросовестности поведения — будут минимизировать распространить об адвокате анонимные и ложные, порочащие сведения в том числе, размещаемых в сети интернет.

Риском потери деловой репутации (репутационный риск) адвоката возможно управлять. Существуют следующие элементы управления деловой репутацией.

- управление репутацией через повышение собственной квалификации, изучение судебной практики, совершенствование речи, и образа адвоката в целом.
- мониторинг результатов адвокатской деятельности (практики) за определенных период времени (3 месяца, полгода и т.д.)
- улучшение опыта взаимодействия «адвокат — доверитель» через оптимизацию качества и эффективности понимая клиента

Примером недопущения последнего риска при работе с клиентами является алгоритм согласования даты и времени встречи с клиентов, который при правильных действиях адвоката поможет избежать ситуации что в офис к адвокату клиент в назначенное не явиться (забыв, передумав, и просто уйдя к другому адвокату)

Управление риском потери деловой репутации включает: выявление риска; оценку риска; мониторинг риска; контроль риска; минимизацию риска

Сама по себе угроза деловой репутации может возникнуть, в том числе даже после вынесения приговора, когда с назначенным наказанием согласен подзащитный

Важно разъяснить клиенту, что существует возможность апелляционного обжалования приговора также у стороны государственного обвинения, и решение по доводам апелляционного представления будет принимать вышестоящий суд.

Такими образом, не должно возникнуть ситуации правовой неопределенности, и после оглашения приговора клиент будет пони-

мать, каковы могут быть его как дальнейшие действия, так и действия участников уголовного судопроизводства.

Начинающий свою профессиональную адвокат должен быть уверен в своих знаниях, опыте, практике, иными словами — ни к коем случае, не ставить на чашу весов предполагаемый опыт и возраст участника той сферы, где происходит работа — будь то следователь, государственный обвинитель и т.д.

Отказ от даже самых действий по защите собственной деловой репутации — путь к потере доверия к адвокату, который может быть спровоцирован пассивностью на действия должностного лица, например, на стадии предварительного следствия.

В моей практике была ситуация когда следователь отдела полиции сорвала следственные действия, пригласив на предъявление обвинения, однако в указные день и час дверь кабинета оказалась закрыта, в ходе ответа на телефонный звонок следователь пояснила, что в отделе полиции ее нет, и ждать не стоит.

В данном случае закономерным итогом защиты прежде всего прав и интересов подзащитного, так и собственной репутации, будет жалоба на действие следователя, так как если отставлять данное поведение следователя без реакции адвоката — 0 не допустимо.

Новичку стоит приготовиться к тому, что его работу будут внимательно оценивать и предъявлять к ней самые высокие требования. Важно, чтобы в подобных ситуациях начинающий специалист смог не потерять самообладание и быстро исправить недочет.

Значительное число перечисленных ошибок молодой адвокат сможет избежать, если он будет действовать под руководством опытного наставника.

Наставничество в адвокатской среде распространено, некоторые даже называют это достойной традицией. Подобный подход взаимовыгоден — начинающие специалисты растут и развиваются в выбранной профессии, а состоявшиеся адвокаты воспитывают своих последователей.

Таким образом, деловая репутация может быть положительной или отрицательной.

Совершенно очевидно, что услуги адвокатского образования с положительной деловой репутацией будут в разы выше, чем у тех адвокатов и адвокатских образований, которые имеют отрицательную деловую репутацию.

Подводя итоги, могу сказать, что деловая репутация — это нематериальный актив, имеющий самое существенное значение для успешности деятельности адвоката, особенно в начале профессиональной карьеры.

Адвокат, как начинающий, так же как и умудренный опытом с безупречной репутацией — это профессионал, который должен уметь четко и ясно общаться с клиентами, коллегами, судами и другими сторонами, чтобы помочь своим клиентам получить компетентную юридическую поддержку и достигнуть цели, интересующей клиента.

В завершение доклада стоит отметить, что, учитывая значимость деловой репутации для адвокатского сообщества и общества, целесообразно законодательно закрепить в Законе об адвокатуре положения о деловой репутации адвоката, адвокатского образования и адвокатуры в целом.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Фролов Максим Викторович,
адвокат НО «АККА»
(АК «Межрегиональная»)*

Уважаемые коллеги, хотелось бы привлечь ваше внимание к психологическому измерению адвокатской деятельности и тем «издержкам» профессии, которые мы либо не замечаем, либо не придаем им должного значения.

Защита прав и законных интересов человека является нашей профессиональной миссией, выполнение которой зависит от множества переменных.

Для того чтобы качество «защиты» было высоким, важно осознавать, с чем мы сталкиваемся за «фасадом правосудия». Знать свои слабые и сильные стороны, понимать устройство психологической реальности между адвокатом с одной стороны и коллегами, доверителями, процессуальными оппонентами с другой, а также уметь достигать баланса между работой и личной жизнью, уметь сохранять свое душевное равновесие.

Бытует мнение, что любой адвокат становится «психологом» в силу специфики работы, при этом все, что касается психологического состояния самого адвоката, порой остается тайной даже для него.

Согласно научным исследованиям, адвокатская деятельность входит в число профессий, представители которых подвержены риску эмоционального выгорания. Данное состояние приводит к снижению качества, а иногда и к неспособности выполнения своих обязанностей, а значит, может стать серьезной угрозой для профессиональной реализации адвоката и его репутации. Снижается уровень удовлетворенности своей работой и жизнью в целом.

Проблема эмоционального выгорания стала настолько актуальной для общества, что в 2019 году Всемирная организация здравоохранения признала его заболеванием.

Понятие **«Синдром эмоционального выгорания»** введено американским психиатром Г. Фрейденбергером в 1974 году. Оно характеризовало состояние изнеможения, истощения с ощущением собственной бесполезности. Впоследствии понятие стало включать в себя характеристики психологического состояния здоровых людей «помогающих» профессий, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами в эмоционально насыщенной атмосфере.

Точки зрения на данный феномен таких ученых-психологов, как К. Маслач, С. Джексон, А. Лэнгле, В.В. Бойко, Н.Е. Водопьяновой говорят о том, что профессиональное выгорание — явление психическое, связанное, прежде всего, с эмоциональной стороной жизни человека.

Представляется, что одной из главных зон риска «выгорания» для адвокатов является, прежде всего, работа в сфере уголовного судопроизводства, поскольку она имеет явно выраженную специфику в отличие от любых других направлений деятельности, а именно:

- «Обвинительный уклон» — тактическое противодействие профессиональной деятельности адвокатов со стороны представителей оперативных и следственных служб, органов прокуратуры, а нередко и судей, которое нашло отражение даже в научной литературе. Проблема носит системный характер, обусловлена состязательностью уголовного процесса и профессиональными стереотипами мышления должностных лиц. Обвинительный уклон может проявляться на любой стадии процесса и принимать самые разнообразные формы, а его преодоление является одной из самых психологически «затяженных» и потому сложных задач для адвоката.

- Крайне высокая степень ответственности адвоката за результат своей деятельности.
- Подверженность адвокатов общественной критике (стереотип восприятия адвокатов как людей, помогающих преступникам уйти от ответственности).
- Конфликты с доверителями, которые нередко имеют черты девиантного поведения, расстройства психики.
- Высокая рабочая нагрузка на адвоката в условиях неопределенности, противоречивости и неполноты информации.
- Внутренний конфликт с общими этическими нормами — адвокат юридически связан с правовой позицией доверителя, но внутренне может ее не разделять.

Это лишь общие специфические черты деятельности адвокатов в сфере уголовного правоприменения, в реальности психологическая атмосфера дела во многом зависит от нюансов судебно-следственной ситуации и личностных особенностей вовлеченных в нее участников.

Очевидно, что поводов для стресса и эмоционального выгорания у адвокатов более чем достаточно. Что же касается реального положения дел?

В 2022–2023 гг. на базе факультета психологии Томского государственного университета мною было проведено исследование, в котором приняли участие 43 адвоката уголовно-правовой специализации из 7 регионов Российской Федерации, 17 женщин и 26 мужчин разного возраста и профессионального (адвокатского) стажа. Основная часть респондентов являлись членами Адвокатской палаты Алтайского края.

По итогам специального психологического тестирования и опроса **симптомы эмоционального выгорания были выявлены у 91 % респондентов.** Вместе с тем, **40 % адвокатов заявляли о том, что они не подвержены эмоциональному выгоранию.** Это говорит о том, что не все респонденты осознают наличие проблемы.

Самые высокие показатели получены по шкалам, относящимся к таким фазам эмоционального выгорания как **резистенция и истощение** (согласно методике Бойко В.В. существует три стадии (фазы) выгорания: I — напряжение, II — резистенция и III — истощение).

В фазе **резистенции** человек сопротивляется нарастающему стрессу и стремится всеми возможными в его распоряжении средствами снизить давление внешних обстоятельств. Например, избегает любых видов коммуникации, если это вызывает дополнительную психологическую нагрузку, чаще начинает прокрастинировать вместо выполнения рабочих задач.

В фазе **истощения** человек испытывает психофизическое переутомление, опустошение. Он нивелирует и обесценивает собственные профессиональные достижения, нарушает профессиональные коммуникации, цинично относится к тем, с кем приходится общаться как в профессиональной, так и в личной сфере. Развиваются психосоматические нарушения сна, обмена веществ, обострение хронических заболеваний.

Наиболее выраженными симптомами «выгорания» у респондентов являлись следующие:

«Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» — состояние, в котором человек перестает чувствовать разницу между экономичным проявлением эмоций и неадекватным избирательным эмоциональным реагированием (неоправданная «экономия» на эмоциях в ситуациях делового общения, ограниченная обратная связь партнерам за счет выборочного реагирования по принципу «хочу или не хочу»). Человеку кажется, что он поступает допустимым образом. Однако субъект общения или сторонний наблюдатель фиксирует иное — эмоциональную черствость, неучтивость, равнодушие.

«Эмоционально-нравственная дезориентация» — более глубокая неадекватная реакция в профессиональных отношениях. У человека возникает потребность в самооправдании, он защищает свою стратегию, не проявляя должного эмоционального отношения к субъекту. Во многом такая неадекватность обусловлена юридическими требованиями к адвокатам, фактически «связанным» позицией своих доверителей. Тот самый случай, когда адвокат может оказаться в состоянии внутреннего конфликта с общими этическими нормами. Адвокат не имеет морального права делить доверителей на «хороших» и «плохих», руководствоваться личными предпочтениями. Однако,

в жизни мы часто сталкиваемся с обратным, а иногда и сами попадаем в ловушку этических дилемм, пребывая в смешанных чувствах.

«Эмоциональная отстраненность» — состояние, когда человек практически полностью исключает эмоции из сферы профессиональной деятельности. Почти ничто не вызывает эмоционального отклика — ни позитивные обстоятельства, ни отрицательные. Это приобретенная за годы работы с людьми эмоциональная защита. Человек постепенно научается работать автоматически, формально. Реагирование без чувств и эмоций наиболее яркий симптом «выгорания». Он свидетельствует о профессиональной деформации личности и ведет к снижению качества делового общения. Партнеры или доверители такое поведение могут интерпретировать как проявленное к ним безразличие.

«Редукция профессиональных обязанностей» — проявляется в попытках облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат. Ситуации, когда адвокат не находит нужным уделить должное внимание проблеме доверителя, выслушать его, побудить к подробному изложению фактов и деталей, от которых часто зависит результат по делу. Особенно опасен такой симптом для адвокатов, работающих по назначению органов следствия и суда, в ситуации незаинтересованности или безразличия самих подзащитных к процессу и итогам разбирательства по делу.

Вероятно, наличие таких симптомов связано с тем, что большая часть респондентов испытали сильное негативное влияние профессиональной среды. Адвокаты постоянно включены в контекст разноуровневых коммуникаций, несут серьезную ответственность за результаты оказываемой помощи, постоянно анализируют действия процессуальных оппонентов и других участников разбирательств, большую часть времени находятся в состоянии сбора и оценки значимой для дел информации. И в этой связи нередко испытывают желание эмоционально отстраниться и ограничить количество контактов.

Кроме того, исследование показало, что адвокаты со средним («резистенция») и высоким («истощение») уровнем эмоционального выгорания в наибольшей степени продемонстрировали такие личностные черты как **непринятие индивидуальности другого, кате-**

горичность и консервативность в суждениях, неумение прощать ошибки, стремление сделать партнера по взаимодействию удобным себе. В то время как адвокаты с низким уровнем эмоционального выгорания имели более высокие показатели уровня их коммуникативной толерантности.

Выявленные исследованием данные в совокупности с результатами теоретического анализа вопроса позволяют прийти к выводу об актуальности проблемы и реальной потребности адвокатского сообщества в организации мер, направленных на **профилактику «психологических рисков» и повышение психологической культуры среди адвокатов.** Обучаясь методам психической саморегуляции, эффективной коммуникации, повышая свою осознанность через индивидуальную и групповую психотерапию, участие в тренингах и корпоративных мероприятиях подобной тематики, адвокат может значительно вырасти как личность и как профессионал, укрепить свой дух и обрести устойчивость, так необходимую в эпоху перемен.

ТРЕБОВАНИЯ К ОБРАЗОВАНИЮ АДВОКАТА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕ- НИЙ В РАЗРЕЗЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРЯДКА ЕГО ПОЛУЧЕНИЯ

*Васильков Константин
Александрович.
адвокат, Алтайская краевая
коллегия адвокатов,
адвокатская фирма «Юр-Транс»,
г. Барнаул*

10 апреля 2024 года Государственная Дума ФС РФ приняла в третьем чтении Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — ФЗ «Об адвокатуре»).

При этом зарегистрирован данный пакет поправок был еще 22 февраля 2023 года. Таким образом, приняли его спустя чуть больше года.

В ближайшем прошлом ФЗ «Об адвокатуре» уже дополняли.

К примеру, в 2018 году членами Совета Федерации А.А. Клишасом, Л.Н. Боковой, а также депутатами Государственной Думы А.Б. Выборным, Д.Ф. Вяткиным был внесен пакет поправок в ФЗ «Об адвокатуре», однако не такой комплексный как в настоящее время.

Данный тезис говорит о том, что адвокатура в системе правосудия России не стоит на месте, ей необходимо подстраиваться, а где-то подстраивать другие органы и организации под меняющуюся правовую систему России.

22 апреля 2024 года Президент России подписал закон, вносящий комплексные поправки в ФЗ «Об адвокатуре». В этот же день федеральный закон был опубликован. Учитывая масштаб изменений, целесообразно в рамках статьи затронуть точечный вопрос. Наиболее острым автору видится аспект корректирования требований к образованию претендента на получение статуса адвоката.

В настоящее время, в анализируемой части, еще действует старая редакция ФЗ «Об адвокатуре», а именно, что «статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, либо ученую степень по юридической специальности»¹.

Вступление в силу поправок в этой части отложено до 01 июля 2024 года, по понятным причинам. Кроме того, действие положений абзаца первого пункта 1 статьи 9 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в редакции настоящего Федерального закона) не распространяется на лиц, получивших до 1 июля 2024 года высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе либо ученую степень по юридической специальности, а также на стажеров адвокатов, заключивших до указанной даты срочный трудовой договор с адвокатским образованием либо с адвокатом, осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете².

Указанная оговорка также видится вполне разумной.

Вместе с тем, с 01 июля 2024 года будут действовать новые требования к образованию для претендента на получение статуса адвоката, а именно, «статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, получившее по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам высшее юридическое

---

¹ Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 июня 2002 г. № 23 ст. 2102

² Федеральный закон от 22.04.2024 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29 апреля 2024 г. N 18 ст. 2396

образование по специальности «Юриспруденция» или «Правоведение», либо высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» или «Правоведение» квалификации «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция», «Правоведение» или «Обеспечение законности и правопорядка», либо высшее образование по специальности «Правоведение» или по специальностям, входящим в укрупненную группу специальностей «Юриспруденция», с присвоением квалификации «юрист», лицо, имеющее ученую степень по юридической специальности»¹.

Как видно требования стали четче.

Появились наименования конкретных специальностей. Как такие требования к бакалавриату и магистратуре согласуются с заявлением Валерия Фалькова от 14 мая 2024 года в части того, что «в нашей системе высшего образования, которая будет с 2025 года, не будет понятия «бакалавр», это будет высшее образование и специализированное высшее образование»² пока остается вопросом, тем не менее, проанализировать данные поправки, полагаю, стоит.

Автор убежден, что требования к образованию адвоката — это планомерный этап реформы системы правосудия России, которая началась с 2019 года через учреждения кассационных судов и продолжается до сих пор.

Как можно увидеть, требования по получению образования именно по специальности «Юриспруденция» уже есть в нормативных правовых актах касающихся иных профессиональных участников процесса. К примеру, судей (ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132-1), прокуроров (ст. 40.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1).

В обоих случаях речь идет про высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция», или высшее образование по на-

---

¹ Федеральный закон от 22.04.2024 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29 апреля 2024 г. N 18 ст. 2396

² Электронный ресурс: режим доступа — <https://tass.ru/obschestvo/20792709> (дата обращения 15.05.2024).

правлению подготовки «Юриспруденция» квалификации «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция», или высшее образование по специальностям, входящим в укрупненную группу специальностей «Юриспруденция», с присвоением квалификации «юрист».

В соответствии с приказом Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» в укрупненную группу специальностей «Юриспруденция», с присвоением квалификации «юрист» входит:

Для специалитета:

- правовое обеспечение национальной безопасности (40.05.01);
- правоохранительная деятельность (40.05.02);
- судебная и прокурорская деятельность (40.05.04);

Для бакалавриата:

- юриспруденция (40.03.01);
- обеспечение законности и правопорядка (40.03.02);

Для магистратуры юриспруденция (40.04.01)¹.

Примечательно, что приказом Минобрнауки России от 1 февраля 2022 г. № 89 настоящий документ утрачивает силу с 1 сентября 2025 г.

Другими словами, одновременно с реформой системы правосудия мы наблюдаем поэтапную реформу системы образования.

Так, в соответствии с приказом Минобрнауки России от 1 февраля 2022 г. № 89 с сентября 2025 года специальности будут выглядеть следующим образом:

Юриспруденция (бакалавр и магистр юриспруденции), обеспечение законности и правопорядка (бакалавр юриспруденции), правовое обеспечение национальной безопасности (юрист), судебная и прокурорская деятельность (юрист).

Другими словами, квалификация юрист будет присваиваться только по двум специальностям: правовое обеспечение национальной безопасности и судебная и прокурорская деятельность.

---

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» // Российская газета. 2013 г. № 247

Что касается ученой степени, то после изменений 2021 года перечень юридических специальностей выглядит следующим образом:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

Таким образом, система высшего образования и система правосудия, как анализируемая в данной статье будет нацелена на то, чтобы кандидат, поступающий на обучение в высшее учебное заведение уже для себя, определил захочет ли он в дальнейшем работать юристом или нет. Полагаю, что подобный подход отражает узкую профориентацию.

Наряду с этим можно сопоставить перспективу развития профессионального судебного представительства в России в ближайшем будущем.

В этой связи, встает логичный вопрос. Необходимо ли конкретно для адвоката специализированное обучение? С учетом особенностей именно адвокатской деятельности. Ведь в настоящее время, кандидаты, которые сдают квалификационные экзамены на приобретение статуса адвоката, мягко говоря, теряются при виде вопросов из блока: отношений адвоката с доверителем, профессиональной этики адвоката, гарантий независимости адвоката, а также вопросов, к примеру, с формулировкой: особенности оказания адвокатом квалифицированной юридической помощи по уголовному делу, находящемуся на рассмотрении у мирового судьи; особенности деятельности адвоката по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и при производстве о применении принудительных мер медицинского характера.

Причем речь не про теорию права касательно ответов на эти вопросы, а именно про особенности деятельности адвоката.

Полагаю, что курсы, которые проводят в ограниченном количестве для тех, кто желает подготовиться к сдаче адвокатского экзамена малоинформативны на долгосрочную перспективу. В данном вопросе, в призме комплекса изменений уже принятых и грядущих, полагаю, что к вопросу следует подходить комплексно.

Начнем развивать мысли *contradictio in contrarium* (лат. доказательство от противного).

В России существуют некоторые специальные учебные заведения: например, Российский Государственный Университет правосудия, в котором имеется девять факультетов.

- Факультет подготовки специалистов для судебной системы, очная форма обучения.

- Факультет непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы.

- Экономический факультет.

- Факультет подготовки кадров высшей квалификации.

- Факультет повышения квалификации и переподготовки судей, государственных гражданских служащих судов общей юрисдикции и Судебного департамента (ФПК судей и госслужащих судов общей юрисдикции).

- Факультет повышения квалификации федеральных судей, рассматривающих экономические споры, и профессиональной переподготовки впервые назначенных на должности федеральных судей (ФПК и ПП).

- Факультет довузовской подготовки.

- Факультет дополнительного профессионального образования.

Данное учебное заведение, согласно открытой информации, содержащейся на сайте организации, основано в 1998 году по инициативе Верховного Суда Российской Федерации.

В настоящее время имеет 11 филиалов в различных городах России. Кроме того, в ВУЗе судьи различных звеньев со всей России с определенной периодичностью проходят курсы повышения квалификации.

Наряду с этим существует Университет прокуратуры Российской Федерации. В данном учебном заведении также функционируют несколько прикладных факультетов:

- Факультет профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

- Юридический факультет.

- Факультет магистерской подготовки.

- Факультет подготовки научных кадров.

ВУЗ был создан в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 г. № 345-р и на основании приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 6 апреля 2007 г. № 44-ш путем реорганизации в форме слияния государственных образовательных учреждений «Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации», «Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры Российской Федерации», «Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации» и государственного научного учреждения «Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации»¹.

Целью университета является подготовка высококвалифицированных кадров для органов и организаций прокуратуры, профессиональная переподготовка и повышение квалификации прокурорских работников, федеральных государственных гражданских служащих Российской Федерации, научное и учебно-методическое обеспечение деятельности органов и организаций прокуратуры России.

Также в рамках университета существует шесть институтов, представляющих собой филиалы в различных регионах России.

Отдельно останавливаться на ведомственных образовательных организациях иных правоохранительных органов не вижу необходимости. Достаточно привести список.

Существует Академия Федеральной службы безопасности Российской Федерации, которая готовит сотрудников ФСБ различных направлений деятельности.

В рамках Министерства внутренних дел Российской Федерации создано и функционирует: три университета (с девятью филиалами), четыре академии, тринадцать институтов. Помимо этого, есть школы, училища и кадетские корпуса.

---

¹ Электронный ресурс: режим доступа — <https://www.agprf.org/ob-akademii/istoriya-sozdaniya-akademii/> (дата обращения: 20.05.2024).

Так, в структуре каждого органа, так или иначе имеющего отношение к правосудию на современном этапе, имеются сильные специализированные учебные заведения, причем со множеством филиалов в регионах Российской Федерации.

У адвокатов, на мой взгляд, по вопросу профессионального обучения есть некоторые пробелы. Да, в рамках адвокатского сообщества существует Российская академия адвокатуры и нотариата, но, во-первых, это единственное учебное заведение подобного типа, а во-вторых, с дополнительным направлением деятельности (нотариат).

Безусловно, профессорско-преподавательский состав данной академии блестящий. Преподаватели имеют статусы адвокатов, руководство ВУЗом осуществляют видные и заслуженные деятели науки и адвокатуры России, опыту и знаниям которых можно только позавидовать. В штате ВУЗа есть кандидаты и доктора наук по соответствующим специальностям. ВУЗ обучает по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

При этом в ВУЗе имеются всего три кафедры: адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин, нотариата и гражданско-правовых дисциплин, фундаментальной юриспруденции и международного права. Работает данный ВУЗ только в столице нашей страны.

Помимо указанной академии, существует также Санкт-Петербургский институт адвокатуры, который был создан в 2011 году Адвокатской палатой Санкт-Петербурга в форме образовательного учреждения. Особенно ценным и уникальным в учебных программах Института является их прикладной характер: они подготовлены и проводятся самими адвокатами для адвокатов. Преподаватели — активно практикующие юристы с большим опытом работы, которые умеют облечь свои знания, опыт и навыки в форму полезных учебных занятий.

Мне видится, что подобный опыт Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга следует перенимать иным адвокатским палатам регионов. Такой подход отражает централизованность системы обучения адвокатов с одновременным структурированным характером организации такого обучения.

На мой взгляд, также остро стоит вопрос о повышении квалификации.

Адвокат по действующим правилам обязан повышать свою квалификацию (со стажем менее трех лет — не менее 40 часов в год, со стажем более трех лет — не менее 30 часов в год).

Федеральная палата адвокатов, полагаю, дельно и обстоятельно подошла к вопросу о введении в профессию адвоката, организовав специальные курсы для тех, кто только получил статус адвоката. Однако очевидный, на мой взгляд, минус такого подхода — это онлайн-формат. И вопрос даже не в том, что нельзя осуществлять контроль за тем, действительно ли человек прошел курс или просто оставил монитор компьютера включенным и пошел заниматься своими делами. У людей должен быть интерес повышать свою квалификацию. Думается, что без интереса не будет и результата.

Научные издания также функционируют слабо.

К сожалению, в настоящее время предпринимается мало шагов для действительного повышения уровня профессиональной квалификации адвокатов. Обучение происходит в основном в форме вебинаров, организуемых Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации. Да, такая форма несет много пользы, однако она не заменит реальный семинар или лекцию с живым общением с выступающим.

Другим немаловажным моментом обучения является тактика и методика действия адвокатов в конкретной ситуации, а также по работе с доверителем. Безусловно, адвокат — это независимый профессиональный советник по правовым вопросам, однако это не мешает ему получать знания и применять их по мере надобности и необходимости. По аналогии с курсом криминалистики по методике и тактике расследования преступлений, можно было бы преподавать тактику поведения в суде в сложных правовых ситуациях или тактику взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов при защите доверителя по уголовному делу. Одновременно следует учить правильной работе с доверителем (больше с психологической точки зрения).

Большое количество решений Федеральной палаты адвокатов (в том числе Комиссии по этике и стандартам) публикуется касатель-

но как нарушений прав адвокатов, так и действий последних в конкретной ситуации. Видится, что приведение этого материала в форму учебного материала, правильно поданного, будет иметь больший результат, чем сухая публикация.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 июня 2002 г. № 23 ст. 2102;
2. Федеральный закон от 22.04.2024 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29 апреля 2024 г. № 18 ст. 2396;
3. Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» // Российская газета. 2013 г. № 247.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ, ОКАЗЫВАЕМОЙ ЛИЦАМ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ ЗДОРОВЬЯ

*Сироткина Елена Владимировна.
Адвокат Алтайской краевой
коллегии адвокатов.*

Законодательство Российской Федерации, регулирующее вопросы принудительного психиатрического освидетельствования и недобровольной госпитализации граждан в психиатрические стационары (учреждения), представлено Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее также — Закон), а также главой 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Адвокату по таким делам следует:

– До судебного разбирательства встретиться с доверителем и разъяснить ему, каковы законные основания для госпитализации, которые указывает психиатрический стационар в документах, направленных в суд, каковы последствия судебного решения о недобровольной госпитализации, то есть предоставить ту информацию, которая может помочь самому доверителю оценить ситуацию;

– Разъяснить доверителю суть процедуры судебного рассмотрения вопроса о недобровольной госпитализации, то есть то, что должен проверить суд, какие права имеет сам гражданин, а также то, в чем заключается роль адвоката;

– Согласовать позицию с доверителем, выяснить, что из указанного стационаром не соответствует действительности, откуда получена информация, является ли она объективной (например, возможны ситуации, когда состояние доверителя намеренно «утяжеляется» родственниками (или другими лицами), желающими добиться госпитализации), имеются ли у доверителя какие-либо доказательства своей позиции;

– В ходе рассмотрения дела в суде адвокат должен помочь своему доверителю обратить внимание суда на те обстоятельства, которые подтверждают отсутствие оснований для недобровольной госпитализации, например, если сам доверитель дал согласие на лечение в амбулаторных условиях и такое лечение возможно. Адвокат должен помочь гражданину оспорить имеющимися у него процессуальными способами данные, представленные психиатрическим стационаром, путем своевременного допроса представителя стационара, самого доверителя, возможно, кого-то из свидетелей, которых пригласил сам доверитель, а также заявления ходатайства о назначении судебно-психиатрической экспертизы;

– Адвокат должен помочь доверителю дать юридическую оценку обоснованности заявления больницы, обратив внимание на те сведения, которые, с точки зрения доверителя, свидетельствуют об отсутствии оснований для ограничения его свободы;

– Адвокат должен выяснить у доверителя, намерен ли он обжаловать решение суда о его недобровольной госпитализации, а в случае поступления от доверителя соответствующей просьбы адвокат должен помочь ему составить и подать соответствующую апелляционную жалобу на решение.

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

1. В пунктах 5 и 5.2 мотивировочной части **Постановления от 27 февраля 2009 г. N4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 ГПК РФ и части**

четвертой статьи 28 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукагурова и М.А. Яшиной Конституционный Суд РФ указал следующее:

«В силу статей 22 и 46 (часть 1) Конституции РФ ограничение свободы допускается только по решению суда; до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов; каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Приведенные конституционные положения в их взаимосвязи со статьями 5, 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод действуют в том числе и в качестве гарантии от необоснованного принудительного помещения гражданина в психиатрический стационар.

Недобровольная госпитализация в психиатрический стационар лица, страдающего психическим расстройством, безусловно является ограничением свободы, которое в силу конституционных и международно-правовых норм и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации допускается только по судебному решению».

2. В пункте 2 мотивировочной части и в абзаце 1 пункта 1 резолютивной части **Определения от 5 марта 2009 г. № 544-О-П по жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны** Конституционный Суд РФ указал следующее:

«2.1. Конституция РФ определила в статье 22 (часть 2), что задержание на срок более 48 часов без судебного решения не допускается.

Закрепленное в Конституции Российской Федерации понятие «задержание» носит общий характер, т.е. охватывает не только задержание лица за виновные противоправные действия в рамках уголовно-процессуального или административного законодательства, но и иные виды задержания.

Данный вывод следует и из положений международно-правовых актов. Так, в соответствии со Сводом принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят 9 декабря 1988 года Резолюцией 43/173 на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН), понятие «задержанное лицо» означа-

ет любое лицо, лишенное личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения. По смыслу подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, законное заключение под стражу душевнобольных также является формой лишения свободы, что подтверждается позицией Европейского Суда по правам человека, выраженной им в Постановлении от 5 октября 2004 года по делу «Н.Л. против Соединенного Королевства».

Будучи госпитализированным в психиатрический стационар в недобровольном порядке, лицо принудительно пребывает в ограниченном пространстве, изолировано от общества и семьи, не может выполнять свои служебные обязанности и не в состоянии свободно передвигаться и общаться с неограниченным кругом лиц. Европейский Суд по правам человека относит перечисленные условия к сущностным признакам лишения человека физической свободы (Постановления от 1 июля 1961 года по делу «Лоулесс (Lawless) против Ирландии», от 6 ноября 1980 года по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии», от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства», от 24 ноября 1994 года по делу «Кеммаш (Kemmaché) против Франции»).

2.2. Указания части второй статьи 303 ГПК Российской Федерации, согласно которой судья при возбуждении дела одновременно продлевает пребывание гражданина в психиатрическом стационаре на срок, необходимый для рассмотрения заявления о принудительной госпитализации в психиатрический стационар, и части третьей статьи 33 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» о том, что, принимая заявление, судья одновременно дает санкцию на пребывание лица в психиатрическом стационаре на срок, необходимый для рассмотрения заявления в суде, не свидетельствуют об отсутствии нарушения статьи 22 Конституции Российской Федерации. Такое продление может состояться в соответствии с частью первой статьи 263 и статьей 133 ГПК Российской Федерации и за пределами 48 часов. Кроме того, решение суда о продлении срока не является судебным решением в том значении, которое ему придает Конституция Российской Федерации: во-первых, суд не устанавливает обоснованность помещения

лица в стационар, а во-вторых, он обязан продлить срок пребывания лица в стационаре и иное решение принять не может.

2.3. Взаимосвязанные положения частей первой и второй статьи 32, части третьей статьи 33, части первой статьи 34 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и статьи 133, части первой статьи 263, частей первой и второй статьи 303 и части первой статьи 304 ГПК Российской Федерации — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — **не предполагают возможность принудительного удержания лица в психиатрическом стационаре свыше 48 часов без судебного решения**. Иное вступало бы в противоречие как с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, так и с закрепленными в Законе Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации целями и задачами данных нормативных актов».

3. В пункте 3 мотивировочной части и в абзаце 2 пункта 1 резолютивной части **Определения от 5 марта 2009 г. № 544-О-П по жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны** Конституционный Суд РФ указал следующее:

«Если по сведениям, полученным от представителя психиатрического стационара, психическое состояние гражданина не позволяет ему лично участвовать в судебном заседании по делу о его принудительной госпитализации или о продлении срока его принудительной госпитализации, проводимом в помещении суда, соответствующее заявление рассматривается судьей в помещении психиатрического стационара. Закрепляющая эту норму часть первая статьи 304 ГПК Российской Федерации, как и аналогичная норма части второй статьи 34 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» не могут рассматриваться как устанавливающие обязанность (но не право) суда проводить заседание в помещении психиатрического стационара на основании одного только факта поступления указанной информации от представителя стационара.

Гражданин, о принудительной госпитализации которого идет речь, лишен возможности каким-либо образом оспорить точку зрения представителя психиатрического стационара о том, что он не в состоянии присутствовать в судебном заседании в помещении суда. Именно в силу этого ***роль суда в таких случаях не может сводиться лишь к формальному удовлетворению заявления о принудительной госпитализации гражданина или о продлении срока его принудительной госпитализации: суд обязан удостовериться, что отсутствуют основания сомневаться в достоверности и полноте сведений, представленных врачами-психиатрами в подтверждение необходимости проведения судебного заседания в психиатрическом стационаре***, при этом такие сведения в соответствии с частью второй статьи 67 ГПК Российской Федерации не могут иметь для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами на основе внутреннего убеждения судьи.

Кроме того, под надлежащим отправлением правосудия как элементом гарантии права граждан на судебную защиту подразумевается, в частности, что ***осуществление правосудия имеет место в определенной обстановке и с определенной атрибутикой, т.е. в зале судебного заседания. Отступления от этого правила возможны только при исключительных обстоятельствах и в любом случае не должны зависеть от усмотрения одного из участников процесса***.

Таким образом, часть первая статьи 304 ГПК Российской Федерации и часть вторая статьи 34 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» по их конституционно-правовому смыслу не могут рассматриваться как ограничивающие дискрецию суда при решении вопроса о месте рассмотрения дела о принудительной госпитализации лица в психиатрический стационар или о продлении срока его принудительной госпитализации.

Иное истолкование указанных законоположений приводило бы к необоснованному ограничению права на судебную защиту и нарушению права на справедливое судебное разбирательство, гарантируемых статьями 15 и 46 Конституции Российской Федерации и пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

4. В пункте 4 мотивировочной части **Определения от 5 марта 2009 г. № 544-О-П по жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны** Конституционный Суд РФ указал следующее:

«Перед принудительной госпитализацией лица в психиатрический стационар по основанию, закрепленному в пункте «в» статьи 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» — вероятность существенного ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи — по смыслу части первой статьи 23 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» обязательно должно производиться его освидетельствование; в противном случае невозможно установить, требует ли психическое расстройство немедленного медицинского вмешательства. Такое освидетельствование в силу статей 23 и 24 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» возможно лишь по решению суда».

5. В пункте 4 мотивировочной части **Определения от 5 марта 2009 г. № 544-О-П по жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны** Конституционный Суд РФ указал также следующее:

«Принудительная госпитализация без предварительного судебного решения оправданна при тяжелых психических состояниях, когда лицо представляет опасность для себя или окружающих, поскольку характер опасности требует оперативного реагирования. Опасность гражданина устанавливается на основании осуществляемых им опасных действий в отношении себя и окружающих».

6. В пункте 2 мотивировочной части **Определения от 18 декабря 2007 г. № 844-О-О по жалобе гражданки Петуховой Аллы Яковлевны** Конституционный Суд РФ указал следующее:

«В соответствии со статьей 306 ГПК Российской Федерации заявление врача-психиатра о принудительном психиатрическом освидетельствовании гражданина подается в суд по месту жительства гражданина; к заявлению прилагаются мотивированное заключение врача-психиатра о необходимости такого освидетельствования и другие имеющиеся материалы; в течение трех дней со дня подачи заявления судья единолично рассматривает заявление о принудитель-

ном психиатрическом освидетельствовании гражданина и принимает решение о принудительном психиатрическом освидетельствовании гражданина или об отказе в принудительном психиатрическом освидетельствовании гражданина.

Как следует из содержания приведенной нормы, *указание в ней на единоличное рассмотрение судьей заявления врача-психиатра о принудительном психиатрическом освидетельствовании гражданина относится лишь к составу суда, рассматривающему конкретную категорию дел, и не означает, что решение о принудительном психиатрическом освидетельствовании гражданина принимается в его отсутствие. Порядок извещения гражданина о времени и месте рассмотрения заявления врача-психиатра о необходимости такого освидетельствования установлен иными нормами гражданского процессуального законодательства.*

Так, в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации суд рассматривает дела о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном психиатрическом освидетельствовании в порядке особого производства (пункт 8 части первой статьи 262), при этом дела особого производства рассматриваются и разрешаются судом по общим правилам искового производства с особенностями, установленными данным Кодексом (часть первая статьи 263), *дела особого производства суд рассматривает с участием заявителей и других заинтересованных лиц* (часть вторая статьи 263)».

7. В пункте 3 мотивировочной части **Определения от 10 марта 2005 г. № 62-О по жалобе гражданина Гирича Игоря Валерьевича** Конституционный Суд РФ указал на следующее:

«Представляемое в суд на основании части 2 статьи 32 и части 2 статьи 33 Закона и части 2 статьи 302 ГПК РФ вместе с заявлением о принудительной госпитализации *мотивированное заключение комиссии врачей-психиатров о необходимости пребывания гражданина в психиатрическом стационаре* выступает в качестве одного из предусмотренных законом доказательств, которое психиатрическое учреждение обязано представить суду, но, однако, *не является заключением эксперта (экспертов) в смысле статьи 86 ГПК РФ.*

Врачи-психиатры психиатрического учреждения, заключение которых в обязательном порядке направляется в суд для решения вопроса о принудительной госпитализации, являются не экспертами, назначаемыми судом по правилам статьей 79 и 80 ГПК РФ, а штатными работниками психиатрического учреждения, выступающего в качестве инициатора возбуждения в суде дела о принудительной госпитализации.

Данное заключение подлежит проверке по общим правилам исследования и оценки доказательств (часть первая статьи 55, статьи 56 и 67 ГПК РФ). При этом ***лицо, помещенное в психиатрический стационар, и его представитель вправе оспаривать его достоверность, в том числе путем постановки перед судом вопроса о назначении судебно-психиатрической экспертизы (статьи 57 и 79 ГПК РФ), производство которой в случае ее назначения судом поручается эксперту (экспертам), не находящемуся в служебной или иной зависимости от психиатрического учреждения, представившего заключение».***

8. В том, что касается применения принудительных мер медицинского характера в отношении недееспособных граждан:

«8.1. В пункте 3 резолютивной части Постановления от 27 февраля 2009 г. №4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 ГПК РФ и части четвертой статьи 28 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» Конституционный Суд РФ признал не соответствующим Конституции РФ положение части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно которому лицо, признанное в установленном законом порядке недееспособным, помещается в психиатрический стационар по просьбе или с согласия его законного представителя, — в той мере, в какой данное положение предполагает помещение недееспособного лица в психиатрический стационар без судебного решения, принимаемого по результатам проверки обоснованности госпитализации в недобровольном порядке.

8.2. А в своем **Определении от 19 января 2011 г. № 114-О-П по жалобе гражданина Ибрагимова А. И.** Конституционный Суд РФ указал следующее:

— помещение недееспособных лиц в специализированное (психоневрологическое) учреждение для социального обеспечения, как и помещение лиц в психиатрический стационар в целях лечения, должно сопровождаться судебной проверкой обоснованности принятого уполномоченными органами решения, которая служит гарантией от необоснованного содержания в таких учреждениях.

— положение части первой статьи 41 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и с учетом правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 27 февраля 2009 года N 4-П, Определении от 5 марта 2009 года N 544-О-П и настоящем Определении, — не предполагает помещение лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, в специализированное (психоневрологическое) учреждение для социального обеспечения на основании решения органа опеки и попечительства, принятого по заключению врачебной комиссии с участием врача-психиатра, которое содержит сведения о наличии у лица психического расстройства, лишаящего его возможности находиться в неспециализированном учреждении для социального обеспечения, без проверки обоснованности такого решения в надлежащем судебном порядке.

На основании приведенных выше правовых позиций Конституционного Суда РФ, содержащихся в Постановлениях и Определениях, можно сделать следующие выводы относительно применения законодательства, регулирующего вопросы принудительного психиатрического освидетельствования и недобровольной госпитализации граждан в психиатрические стационары (учреждения).

1. Максимальный срок, на который гражданин может быть в принудительном порядке помещен в психиатрический стационар без решения суда, составляет 48 часов. Если по прошествии этого промежутка времени суд не вынес решения, разрешающего принудитель-

ную госпитализацию, гражданин должен быть отпущен на свободу. Исключений из этого правила нет. В случае его нарушения помещение (дальнейшее удержание) лица в психиатрический стационар становится незаконным, что, по нашему мнению, должно квалифицироваться как преступление по ст. 128 УК РФ «Незаконное помещение в психиатрический стационар».

2. Более того, принудительная госпитализация в психиатрический стационар без предварительного решения суда, то есть в порядке оперативного реагирования, по смыслу п. 4 мотивировочной части Определения КС РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П по жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны допустима только в случаях госпитализации лица по основанию, указанному в п. «а» ст. 29 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» — его непосредственная опасность для себя или окружающих.

Причем выводы об опасности того или иного лица должны делаться на основании его опасных действий для себя или окружающих, то есть быть объективно проверяемыми, а не быть просто плодом одних только умозаключений и предположений. Должно быть также проведено психиатрическое освидетельствование в соответствии со статьями 23 и 24 Закона.

3. В случаях госпитализации гражданина по основаниям, указанным в пункте «б» (его беспомощность, т.е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности) или «в» (существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи) статьи 29 Закона, такая госпитализация в принудительном порядке возможна только после того, как в отношении гражданина будет проведено психиатрическое освидетельствование. Такое освидетельствование в недобровольном порядке возможно только по решению суда.

В отношении госпитализируемых по п. «в» ст. 29 Закона об этом прямо сказано в п. 4 мотивировочной части Определения КС РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П.

В отношении госпитализируемых по п. «б» ст. 29 Закона такой вывод следует из того, что по Закону правовое регулирование (см. ст.ст.

23-25, 29, 32-35 Закона) процедур принудительной госпитализации и принудительного психиатрического освидетельствования в отношении лиц, указанных в п. «б», — полностью тождественно и не имеет никаких различий с лицами, подвергаемыми принудительной госпитализации по п. «в» ст. 29 Закона. Следовательно, вывод КС РФ о необходимости проведения перед принудительной госпитализацией психиатрического освидетельствования на основании решения суда полностью применим и к случаям госпитализации по п. «б» ст. 29 Закона.

4. Таким образом, без предварительного решения суда, разрешающего проведение принудительного психиатрического освидетельствования, гражданина по ныне действующему законодательству в свете правовых позиций КС РФ могут подвергнуть экстренной госпитализации лишь по п. «а» ст. 29 Закона — после освидетельствования в соответствии со ст. 23 и 24 Закона, и только в том случае, когда он совершает опасные действия в отношении себя или окружающих. И максимальный срок такой госпитализации до (без) решения суда — не более 48 часов. В отношении тех, кто госпитализируется по основаниям, указанным в п.п. «б» и «в» ст. 29 Закона, — предварительная, без решения суда, госпитализация вообще невозможна (недопустима). Такие действия, по нашему мнению, должны квалифицироваться по ст. 128 УК РФ.

5. Рассмотрение судом заявлений врачей-психиатров психиатрических стационаров (учреждений) о принудительном психиатрическом освидетельствовании граждан по основаниям, указанным в пунктах «б» и «в» части 4 статьи 23 Закона, в целях их последующей принудительной госпитализации по основаниям, указанным в пунктах «б» и «в» ст. 29 Закона, производится в порядке, установленном в ст. 306 ГПК РФ.

Содержащееся в этой статье указание на *единоличность* рассмотрения судьей данного заявления, как недвусмысленно следует из Определения КС РФ от 18 декабря 2007 г. № 844-О-О по жалобе гражданки Петуховой Аллы Яковлевны, относится лишь к составу суда, рассматривающему конкретную категорию дел, и не означает, что решение о принудительном психиатрическом освиде-

тельствования гражданина принимается в его отсутствие. Гражданин должен быть извещен о времени и месте рассмотрения данного дела, как и при рассмотрении судами любых иных гражданских дел. Никаких исключений о возможности рассмотрения заявления стационара в отсутствие гражданина, который не был извещен надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, — ни статья 306 ГПК РФ, ни какая-либо иная правовая норма ГПК РФ не содержат.

6. Поскольку разрешение на принудительное освидетельствование по смыслу Определения КС РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П по жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны должно быть дано предварительно, то есть до фактической госпитализации в принудительном порядке по основаниям, указанным в п.п. «б» и «в» ст. 29 Закона, — из этого следует, что гражданин во время рассмотрения дела о его принудительном психиатрическом освидетельствовании должен оставаться на свободе. То есть он не может уже находиться помимо его воли в психиатрическом стационаре.

Более того, решение суда, разрешающее проведение принудительного психиатрического освидетельствования, должно, как и решение по любому иному гражданскому делу, вступить в законную силу (ст. 209 ГПК РФ) и может исполняться в принудительном порядке лишь после его вступления в силу (ст. 210 ГПК РФ). Но никак не раньше. То есть гражданин, в отношении которого суд вынес решение о направлении его в принудительном порядке на психиатрическое освидетельствование, может, оставаясь на свободе, добиваться отмены этого решения в апелляционном порядке, подав соответствующую жалобу и участвуя в судебном заседании суда апелляционной инстанции.

7. Дела о принудительной госпитализации должны рассматриваться, как общее правило, не в стационарах, а в зданиях самих судов, где присутствует соответствующая атрибутика, а процессы носят открытый характер и на них допускается публика.

Отступления от этого правила возможны только при исключительных обстоятельствах и в любом случае не должны зависеть от усмотрения одного только психиатрического стационара.

III. ОСНОВНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГОСПИТАЛИЗИРОВАННЫХ ГРАЖДАН, ДОПУСКАЕМЫЕ ПСИХИАТРИЧЕСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ И СУДАМИ

Перечислим также наиболее распространенные виды нарушений прав и свобод граждан, находящихся в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь, которые следует иметь ввиду, которые следует пресекать и которые можно использовать в суде при обжаловании решений судов о недобровольной госпитализации, а также действий и решений психиатрических учреждений и их должностных лиц:

Со стороны психиатрических учреждений:

– неразъяснение пациентам их прав, предусмотренных ст.ст. 5 и 37 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и ч. 5 ст. 19, ст. 20-22 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», о чем должна быть сделана запись в медицинской карте;

– уклонение от разъяснения пациентам оснований и целей их госпитализации, а также от предоставления им информации о характере психического расстройства, об установленном диагнозе и о прогнозе развития заболевания, целях, методах, включая альтернативные, и продолжительности рекомендуемого лечения, а также о болевых ощущениях, возможном риске, побочных эффектах и ожидаемых результатах, о чем также должна быть сделана запись в мед карте (ч. 2 ст. 5, ч. 2 ст. 11, ч. 1 ст. 37 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», п. 5 ч. 5 ст. 19, ч. 1 ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»);

– нарушение прав недобровольно госпитализированных лиц на получение ими квалифицированной юридической помощи, в частности, уклонение главных врачей (заведующих отделениями, лечащих или дежурных врачей) от удостоверения доверенностей, выдаваемых пациентами на выбранных ими представителей (ч. 1 ст. 7 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ст. 53 ГПК РФ);

– нарушение предельно допустимого (максимально возможного) 48-часового срока пребывания недобровольно госпитализируемых

граждан в психиатрическом учреждении до решения суда (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П));

– уклонение администраций медицинских организаций от обеспечения пациентам реальной возможности по приглашению любого специалиста для работы во врачебной комиссии, нарушение их права на альтернативную медицинскую помощь, включая право пригласить для консультации и наблюдения врачей, специалистов из других медицинских организаций, а также право обратиться за независимым освидетельствованием, заключением специалиста к лицам, имеющим право на оказание медицинской помощи, независимо от формы собственности и ведомственной принадлежности соответствующей организации (ч. 2 ст. 5 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», п.п. 1 и 3 ч. 5 ст. 19 и ст. 21 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»);

– необоснованное ограничение прав пациентов на пользование любыми видами связи, в том числе сотовыми телефонами, права отправлять и получать корреспонденцию, в том числе жалобы в суд, прокуратуру, Уполномоченному по правам человека в РФ, в правозащитные организации и т.п. без какого-либо контроля (цензуры) со стороны персонала таких организаций и учреждений (ст. 37 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»);

– нарушения права на беспрепятственное общение граждан с представителями, защитниками и другими лицами, оказывающими им правовую помощь, вне контроля со стороны администрации соответствующих организаций и учреждений (ст. 48 Конституции РФ, ст.ст. 5, 7, 37, 39 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»);

– уклонение администраций психиатрических учреждений от выполнения обязанности по фиксации в медицинской карте всех случаев применения к пациентам мер физического стеснения и изоляции (одиночные камеры, привязывание к кроватям, влажное обертыва-

ние, применение физической силы и т. п.) (ч. 2 ст. 30 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»);

– невручение госпитализированному гражданину копии решения суда о его недобровольной госпитализации; необеспечение ему реальной возможности, находясь в психиатрическом учреждении, подать на решение суда апелляционную и (или) кассационную жалобу (ст.ст. 209, 320, 376 ГПК РФ);

– нарушение права пациента на ознакомление и получение копии его медицинской карты (ч.ч. 4 и 5 ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»);

– неосуществление администрациями больниц обязательного ежемесячного переосвидетельствования недобровольно госпитализированных граждан с целью решения вопроса об их выписке (ч. 2 ст. 36 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»);

Со стороны судов:

– широко распространена практика рассмотрения заявлений психиатрических учреждений о недобровольной госпитализации граждан или о признании их недееспособными в рамках судебного заседания, которое длится зачастую всего несколько минут, что является внешним признаком по сути отсутствия самого судебного разбирательства как такового, на что обращал внимание ЕСПЧ в постановлении «Штукатуров против России»;

– не разъяснение судом гражданину, в отношении которого рассматривается дело о его недобровольной госпитализации, права ходатайствовать о назначении судебно-психиатрической экспертизы (п. 2.4 Определения КС РФ от 3 ноября 2009 г. N 1366-О-О);

– при назначении судами в порядке ст. 50 ГПК РФ адвокатов для представления интересов граждан, в отношении которых рассматривается вопрос об их недобровольной госпитализации, суды не предпринимают мер, направленных на то, чтобы адвокат действительно встречался с гражданином до судебного заседания, выявлял его реальную волю и не выполнял свои обязанности лишь формально.

IV. ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТОВ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬ- НЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПЕРЕД ДОВЕРИТЕЛЕМ

Советом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга вынесено решение о привлечении к дисциплинарной ответственности адвоката Л., участвовавшего по назначению Приморского районного суда города Санкт-Петербурга в рассмотрении дела о недобровольной госпитализации гражданина в психиатрический стационар. Поводом для возбуждения дисциплинарного производства послужила жалоба гражданина на ненадлежащее выполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей и несоблюдение норм адвокатской этики в связи с тем, что в процессе рассмотрения дела адвокат согласился с госпитализацией гражданина в психиатрический стационар. Из протокола судебного заседания усматривается, что данным заявлением фактически и ограничилась оказанная адвокатом юридическая помощь. По сведениям, поступающим в Адвокатскую палату Санкт-Петербурга, такой случай не является единичным и отражает распространенную практику рассмотрения подобной категории дел в судах Санкт-Петербурга, в связи с чем Совет Адвокатской палаты разъясняет следующее.

Рассмотрение дел о недобровольной госпитализации гражданина в психиатрический стационар регламентировано главой 35 Гражданского процессуального кодекса РФ, а также Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». В соответствии со ст.ст. 50 и 304 Гражданского процессуального кодекса РФ адвокат по назначению суда выступает в качестве представителя лица, в отношении которого рассматривается вопрос о принудительной госпитализации в психиатрический стационар.

Как показывает практика, по делам, связанным с принудительной госпитализацией людей с психическими расстройствами, адвокат зачастую видит свою роль не в защите позиции своего доверителя, а в защите того, что отвечает интересам доверителя с точки зрения самого адвоката. Такая точка зрения зачастую совпадает с позицией врачей-психиатров, настаивающих на госпитализации в больницу, ведь, по мнению адвоката, психиатры действуют из лучших побуждений, стремясь оказать помощь «больному» человеку, который к тому же

не понимает, что у него тяжелая болезнь. Между тем с точки зрения закона решение вопроса о получении медицинской помощи — это, прежде всего, право самого пациента, а оказание психиатрической помощи в недобровольном порядке это всегда исключительная ситуация, связанная с ограничением основных прав личности. Более того, ситуация, когда адвокат, действуя «в интересах пациента», решает, что ему лучше быть в больнице, ставит самого пациента в еще более уязвимое положение — ведь специалисты-психиатры, обладая профессиональными знаниями, уже решили, что недобровольное оказание помощи отвечает, по их мнению, интересам пациента, и вместо помощи в оспаривания этого решения адвокат становится на противоположную сторону, лишая своего доверителя возможности эффективно отстоять свою позицию.

Несмотря на сложность, с этической точки зрения, необходимости осуществления защиты адвокатом гражданина, когда несогласие с госпитализацией очевидно угрожает его интересам, адвокату не следует забывать, что свобода, а ведь в случае недобровольной госпитализации речь идет именно об ограничении свободы человека, является не менее важной ценностью для него, чем получение медицинской помощи.

В соответствии с подпунктом 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного. Указанные обязанности распространяются и на участие адвоката в деле по назначению суда, поскольку в силу ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката доверителем является, в частности, лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь по назначению суда. Подчеркнем, что речь идет об уважении адвокатом именно воли, а не интересов доверителя, даже если речь идет о волеизъявлении гражданина, имеющего психические нарушения.

Таким образом, закон не предоставляет адвокату права занимать по делу самостоятельную позицию и если гражданин заявляет, что он возражает против госпитализации, то это является той позицией

по делу, которую обязан уважать адвокат, независимо от того, понимает ли сам гражданин значение отказа от психиатрической помощи и отвечает ли такой отказ интересам пациента, как их видит адвокат. Если бы адвокат в такой ситуации мог занимать собственную позицию по делу, то его роль была бы идентичной роли прокурора, чье участие по таким делам является обязательным, и который дает собственное заключение относительно законности помещения гражданина в психиатрический стационар.

По аналогии с уголовным судопроизводством, где согласие адвоката с обвинением, если против этого возражает подзащитный, будет являться безусловным нарушением права на защиту, что может повлечь отмену приговора, в делах о принудительной госпитализации неэффективная помощь адвоката также может привести к отмене решения суда в связи с несоответствием процедуры судебного контроля принудительной госпитализации требованиям ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей каждому, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу. В своих решениях Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал, что формальное назначение юриста само по себе не удовлетворяет требованию Конвенции о бесплатной юридической помощи, если такая помощь не является эффективной. Государство должно принимать «позитивные меры» для обеспечения эффективной реализации права на бесплатную юридическую помощь, а неэффективность юридической помощи, оказываемой в делах об ограничении свободы в связи с помещением в психиатрический стационар, может рассматриваться как нарушение ст. 5 Конвенции.

Сложность дел о недобровольной госпитализации в психиатрический стационар связана, прежде всего, с необходимостью оспаривания профессионального мнения врачей-психиатров. Однако это не означает, что роль адвоката является исключительно декоративной и сводится к простому присутствию в зале суда. Несмотря на наличие ряда процессуальных особенностей таких дел, это не говорит об отсутствии состязательной природы их рассмотрения, поэтому пре-

доставление государством адвоката как раз и призвано обеспечить такую состоятельность. При этом закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» устанавливает достаточно четкий предмет доказывания по таким делам, знание которого поможет адвокату лучше понимать свою роль.

В соответствии со ст. 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в психиатрический стационар без его согласия до постановления судьи, если его обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и обуславливает его непосредственную опасность для себя или окружающих (пункт «а»), беспомощность, то есть неспособность самостоятельного удовлетворения основных жизненных потребностей (пункт «б»), или существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи (пункт «в»). Таким образом, для определения законности госпитализации лица в психиатрический стационар по ст. 29 Закона суд должен установить наличие, как минимум, трех критериев, как в отдельности, так и в совокупности: тяжесть психического расстройства (1), невозможность лечения (обследования) вне стационара (2) и непосредственную опасность для себя или окружающих, физическую беспомощность или неизбежное существенное ухудшение психического состояния лица при отсутствии специализированной медицинской помощи (3). Совокупность указанных обстоятельств является предметом доказывания по делу о принудительной госпитализации, причем бремя доказывания данных обстоятельств лежит на государстве – психиатрическом стационаре. Рассматривая дело, суд обязан проверить каждый из указанных критериев, в связи с чем адвокат обязан, как минимум, обратить внимание суда на отсутствие обоснования указанных критериев в документах больницы.

В силу ст. 7 Закона об адвокатуре адвокат обязан «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами».

ПРЕДЕЛЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

*Черномырдин Иван Николаевич.
Адвокат НО «Алтайская краевая
коллегия адвокатов»
Адвокатская контора г. Барнаула*

В современном мире, сейчас на фоне происходящих кризисов в экономической и политической сфере, все более актуальным становится вопрос о возможности гражданина обезопасить свою жизнь от внешних посягательств. За период с февраля 2022 по март 2024 года граждане России столкнулись с невообразимо возросшим уровнем опасности в том числе путем внешних посягательств, инициированных как непосредственно криминальными элементами, так и подготовленными гражданами других стран, осуществляющих на территории нашего государства различную провокационную деятельность. Чаще всего результатом данной деятельности становятся столкновения насильственно-физического характера.

В виду отсутствия закрепления какой бы то ни было идеологии, к гражданам начинают предъявляться требования касательно их психофизического состояния без учета контекста времени, а также иных нормативных и экономико-социально-политических условий, в которых физические лица реализуют свою деятельность.

В следствии борьбы с возросшими рисками, количество людей начинающих увлекаться способами с помощью, которых можно ограждать себя от внешнего посягательства. Государство со своей стороны

обеспечивает население законодательной легализацией такого средства борьбы с преступными посягательствами, как необходимая оборона. Вместе с тем единого подхода к гармоничному юридическому воплощению норм о необходимой обороне ни в науке, ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике не сложилось, что затрудняет использование норм данного института судебными и следственными органами и реализацию назначения этих норм, заключающихся в вовлечении населения в сферу борьбы с преступностью и защиту важнейших общественных отношений. Наиболее острыми являются вопросы, связанные с соразмерностью посягательства и оборонительных действий. В настоящий момент уголовное законодательство предусматривает два вида обороны.

Абсолютная или «беспредельная» оборона, то есть оборона, не обремененная условием соразмерности, допускается в двух случаях.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ оборона не предусматривающая ограничений, возможна в случае если, у самого посягательства имеется основания быть признанным опасным для жизни либо в отношении лица которое осуществляет защиту либо иного лица подвергающегося нападению, и лицо осуществляет защиту жертвы, также имеет место наступление данного состояние и при осознании и обоснованности угрозы возникновения такого посягательства.

Даровских Д.А. в свою очередь указал что «любые оборонительные действия против такого посягательства и без соответствующего указания на то в законе в законе не должны признаваться эксцессом обороны, так как полностью соответствуют по характеру опасности. Возможные же различия по степени опасности не дадут явного несоответствия. Однако провозглашение режима беспредельной обороны в данном случае не лишено смысла: таким образом, подчеркивается ценность основного естественного права человека на жизнь, акцентируется недопустимость ограничения права на необходимую оборону при ее защите» [1, с. 8].

В этой связи, учитывая обстоятельства практической реализации данного вопроса, следует признавать, что данная позиция полностью соответствует тем задачам, которые перед собой ставит система правосудия. Вопрос превышения допустимых пределов необхо-

димой обороны связан в первую очередь с тем, что в рамках данного института в эпоху формирования советского права, в рамках реализации задач по примату публичного над частным, в качестве задачи которое реализовывал государственный механизм урегулирования общественных отношений было фиксация требований по созданию новой личности, которая в том числе при осуществлении права на защиту, должна была соотнести характер личного посягательства которому оно подвергается с тем уроном общественных отношений который получает нападающее лицо.

При смене формации, право не может продолжать решать задачи общественного порядка, если не устанавливает жестко зафиксированные в законе нормы, поскольку формализация общественных отношений должна вести к ее упрощению до базового уровня, а не усложнения и создания оценочных категорий, которые позволяют правоприменителю толковать закон, уводя толкование в сторону казуистики отходя от принципов буквальности, который лежит в основе любого эффективного нормативно правового акта.

Второй вид обороны не подвергающейся ограничению указан в ч. 2.1 ст. 37 УК. Данное положение, призвано было нести прогрессивный характер, принимать во внимание извинительное субъективное восприятие посягательства в случае внезапности посягательства, и как последствие, неверно избранный чрезмерный способ защиты. Однако, в этой связи норма, по сути пытается решить неразрешимую проблему поскольку любое посягательство является неожиданным в той или иной мере, и снова возникает вопрос судейского усмотрения.

В этой связи, учитывая накопившуюся неразрешимую проблему, с точки зрения конкретизации пределов обороны, и условий позволяющих их не учитывать индивидуальный подход в этом случае полностью себя не оправдывает и не может быть признан эффективным.

Эта же позиция фиксируется в работах А.В. Неврева:

«Понятие пределов необходимой обороны в законе изложено в оценочной форме, что дает широкий простор для усмотрения правоприменителя» [2, с. 85-90]. Это создает огромные проблемы в правоприменительной практике, выражающиеся в двойственной квалификации, а соответственно не может нести за собой упорядочение

общественных отношений, а значит полностью не реализует свой правовое назначение.

Более того, данный аспект в полной мере не соответствует психологическому аспекту, тем самым требуя от гражданина подвергнувшегося посягательству преступника, проявить высокий уровень аналитических способностей чтобы соотнести данное посягательство с возможным уроном обороняющемуся. Данные аналитические процессы среднестатистический человек не может осуществить, находясь в критической ситуации.

В экстремальной ситуации психологическое состояние человека проходит ряд этапов, хотя имеются индивидуальные различия в характере реакций на чрезвычайную ситуацию.

Современная психология выделяет чаще всего 4 стадии эмоционального состояния человека в критической ситуации.

1. «Острый эмоциональный шок», который характеризуется общим психическим напряжением с преобладанием чувства отчаяния и страха при обостренном восприятии происходящего.

2. «Психофизиологическая демобилизация», то есть существенное ухудшение самочувствия и психоэмоционального состояния с преобладанием чувства растерянности, панических реакций, понижением моральных норм поведения, уменьшением уровня эффективности деятельности и мотивации к ней, депрессивными тенденциями. На втором этапе степень и характер психогенных нарушений во многом зависят не только от самой экстремальной ситуации, внезапности ее возникновения, интенсивности и продолжительности действия, но и от особенностей личности пострадавших, а также от сохранения опасности новых стрессовых воздействий.

3. «Стадия разрешения», на которой постепенно стабилизируется настроение и самочувствие, однако сохраняются пониженный эмоциональный фон и ограниченность контактов с окружающими. Происходит сложная эмоциональная и когнитивная переработка ситуации, оценка собственных переживаний и ощущений.

4. «Восстановление». На этой стадии активизируется межличностное общение, в некоторой степени восстанавливаются психофизиологические и психоэмоциональные функции человека.

Как очевидно полагать, момент возникновения посягательства это мгновение, за которое лицо не успеет перейти чисто физиологически к стадии восстановления, и организм человека будет сведен до уровня животного инстинкта не позволяющего ему анализировать происходящее в полной мере, иначе говоря заставляет обороняющегося переживать состояние страха.

Как указывает в своей работе Гуренкова Т.Н. «Страх вызывает у человека неприятные ощущения (в этом состоит негативное действие страха), но страх — это и сигнал, команда к индивидуальной или коллективной защите, так как главная цель, стоящая перед человеком — остаться живым, продлить свое существование». [3, с. 319]

Поскольку именно эти цели решает организм, а именно остаться в живых и продлить свое существование несмотря на последствия, говорить о том что лицо может в достаточной мере оценить характер возникшей опасности не приходится. Даже если действия лица осуществляющего посягательство формально подпадают под квалификацию ч.1 ст. 161 УК РФ, следует учитывать, что пребывая в состоянии страха, лицо не может объективно оценить данное преступное поведение, животный инстинкт будет превалировать и сознание в свою очередь будет предполагать самый худший вариант, при котором данное требование в глазах обороняющегося может быть лишь началом к осуществлению опасного для жизни посягательства.

В исследовании А. Н. Классена и М. А. Якунькова утверждается: в любом состоянии необходимой обороны присутствуют медико-психологические признаки аффекта, а любое состояние аффекта инстинктивно направлено на отпор агрессора. Для необходимой обороны характерны эмоции гнева, чувство несправедливости. Критерий допустимой обороны, по мнению отмеченных ученых, лежит в зыбкой плоскости морально-этической картины рассматриваемых состояний, которые в каждом случае индивидуальны. [4, с. 45].

Таким образом, правоприменитель поставлен в ситуацию формализации общественных отношений, которые невозможно осуществить с учетом оценочного критерия. А поведение граждан не позволяет самому субъекту права, иметь возможность практической

реализации права на аналитическое осознание характера посягательства, поскольку он связан психологическими аспектами поведения.

В теории уголовного права также не раз выдвигалось предложение отказаться от установления пределов необходимой обороны, в том числе Н.И. Коржанским: «Привлечение к уголовной ответственности лица, причинившего вред нападающему при отражении общественно опасного посягательства... переворачивает общее представление о добре и зле, о справедливости, извращая правосознание... Суд должен решить только один вопрос: было ли у защищавшегося и причинившего вред право на необходимую оборону. И если такое право было, то причиненный вред должен признаваться правомерным независимо от его тяжести» [5, с. 75]. Аналогичного мнения придерживалась Г. Колмакова, утверждая, что «освобождение закона о необходимой обороне от такого понятия, как превышение пределов необходимой обороны, — основной шаг к его совершенствованию» [6].

Попытки законодателя расширить спектр легализации беспредельной обороны, при защите от посягательства включая в него различные формации такие как посягательства, сопряженного с незаконным проникновением в жилище и иное помещение, используемое обороняющимся на законных основаниях, лишь подтверждают необходимость отмены данной категории поскольку законодатель не может реализуя функцию справедливости доступно закрепить аналитические пределы, и фактически его роль сводится к фрагментарному упразднению запрета, поскольку именно запрет является единственной эффективной формой реализации данного права.

Необходимо согласится с тем, что «правильное применение положений уголовного законодательства о необходимой обороне позволит избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, реализующих свое естественное право на необходимую оборону. Это, в свою очередь, обеспечит рост уровня доверия населения к правоохранительным органам, а также укрепит уверенность граждан в допустимости отражения общественно опасных посягательств своими силами» [7, с. 10].

Вместе с тем возможности правоприменения ограничены трактовкой материальных норм, что означает невозможность их эффектив-

ного воплощения на практике без серьезной правотворческой работы, то есть для формирования справедливой правоприменительной практики нужна крепкая правовая база, ориентированная на защиту прав обороняющихся и формирование у них внутренней уверенности и настроя на социально полезные действия, охрану правопорядка. При чем условия правомерности необходимой обороны «должны быть понятны гражданам, не осведомленным в юридических тонкостях» [7, с. 81].

При этом развитие правовой регламентации института необходимой обороны должно сопровождаться как эволюцией общей системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, включением в нее новых институтов, так и совершенствованием уже существующих условий, исключающих общественную опасность и противоправность деяния, что позволит теоретически и практически разграничить состояние необходимой обороны со схожими обстоятельствами, исключающими преступность.

Список литературы:

1. Даровских Д.А. Некоторые теоретические аспекты определения превышения пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2010. № 3. с. 7-9.
2. Неврев А.В. Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Неврев. Москва, 2003. 166 с.
3. Гуренкова Т.Н. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Т.Н. Гуренкова, И.Н. Елисеева, Т.Ю. Кузнецова и др. / Под общ. ред. Ю.С. Шойгу. — М.: Смысл, 2007. — 319 с.
4. Классен А. Н., Якуньков М. А. Отграничение преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, от преступлений, совершенных в состоянии аффекта // Вестник ЮУрГУ. № 9. 2007. с. 44–46.
5. Коржанский Н.И. Очерки теории права / Н.И. Коржанский. Волгоград, 1992. 92 с

6. Колмакова Г.Н. Превышение пределов необходимой обороны / Г. Колмакова // Законность. 1992. № 11.

7. Побегайло Э.Ф. Проблемы необходимой обороны в российском законодательстве и правоприменительной практике// Публичное и частное право. 2009. №4. с. 76-117.

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТЫ АДВОКАТА НА ФОНЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ДИСКУССИИ О ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗВРАТА ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

*Романьчев Артем Владимирович
Адвокат НО «Алтайская краевая
коллегия адвокатов»
Адвокатская контора г. Барнаула*

Право на жизнь — неотъемлемое право каждого человека, охраняемое законом. Его содержание заключается в том, что никто не может быть умышленно лишён жизни. Также право на жизнь налагает на государство обязательство сделать всё для того, чтобы человеческая жизнь оказалась вне опасности и предпринимать эффективное расследование убийств[1].

Часть 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации закрепляет, что каждый имеет право на жизнь.

Говоря о праве на жизнь не с исключительно теоретической или декларативной точек зрения, а непосредственно с практической, что для нас — практикующих адвокатов — представляет наиболее существенный интерес, выходят на поверхность различные явления, которые год за годом являются предметом острых дискуссий как в обществе в целом, так и на уровне официальных органов государственной власти.

Право на аборт, эвтаназия, смертная казнь — все эти явления фактически представляют собой легальное лишение жизни человека.

В то же время отношение к этим явлениям крайне неоднозначное: как в мире (в разных странах правовое регулирование этих явлений различное, зачастую противоположное), так и в России.

Что касается нашей страны, то если, например, правовое регулирование аборт и эвтаназии в России абсолютно недвусмысленное, хоть и полярное: аборт разрешены, а эвтаназия находится под запретом. То совсем иначе обстоит дело со смертной казнью. Она вроде как есть, но ее вроде как и нет. Она по-прежнему предусмотрена законодательством, но на практике не применяется.

Почему же сложилась такая ситуация? Фактически — коллизия законодательства и правоприменения длиной вот уже почти 20 лет. Почему нельзя либо исключить нормы о смертной казни из законодательства, либо, напротив, использовать данный вид наказания наряду с другими, раз уж он предусмотрен Уголовным кодексом России.

Чтобы ответить на данные вопросы, необходимо отмотать время назад, немного углубиться в историю, чтобы проследить как и почему менялось отношение государства к смертной казни с точки зрения правового регулирования.

Смертная казнь как вид наказания предусматривалась всеми уголовно-правовыми актами Российской Империи: Сводом законов Российской Империи, Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а также Уголовным уложением 1903 года.

В СССР высшая мера наказания применялась достаточно активно. Например, за следующие преступления: умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами (по данной статье, в частности, в 1994 году был казнен широко известный советский серийный убийца Андрей Чикатило); измена Родине (из известных личностей по данной статье в 1979 году была казнена Антонина Макаровна Макарова (Гинзбург) по прозвищу «Тонька-пулемётчица»); нарушение правил валютных операций в особо крупном размере (наиболее известный расстрелянный по данной статье — Ян Рокотов, который сперва был приговорен к длительному сроку лишения свободы и лишь позже был казнен после публичного возмущения лично Никиты Хрущева мяг-

костью приговора; данное дело примечательно еще и тем, что имело место обратная сила закона, ужесточающего уголовное наказание).

Еще один примечательный факт из советского периода: с 1935 по 1947 и с 1950 по 1959 годы в СССР была разрешена смертная казнь в том числе и в отношении несовершеннолетних, а именно в отношении лиц, достигших 12-летнего возраста. Так, например, был приговорен к смертной казни и расстрелян в 1940 году несовершеннолетний серийный убийца 17-летний Владимир Винничевский, который был осужден за 18 нападений на детей в возрасте от 2 до 4 лет в 1938—1939 годах, 8 из которых завершились убийствами.

Наконец, современный период. После вступления в силу нового Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года взамен Уголовного кодекса РСФСР 1960 года в России был значительно сокращён перечень преступлений, видом наказания за которые могла бы быть назначена смертная казнь.

16 мая 1996 года президентом России Борисом Ельциным был издан указ № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы».

Россией был подписан Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни.

Последняя смертная казнь в России на сегодняшний день была приведена в исполнение 2 сентября 1996 года.

2 февраля 1999 года Конституционный суд России вынес Постановление № 3-П, в котором признал неконституционным возможность вынесения смертных приговоров в отсутствие судов присяжных во всех регионах страны.

С 1 января 2010 года суды присяжных должны были начать действовать в последнем субъекте федерации, где их до сих пор не было — в Чеченской Республике. В связи с этим Верховный суд обратился с запросом о возможности применения смертной казни с этого момента в Конституционный суд. 19 ноября 2009 года Конституционный суд своим определением № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П» признал невоз-

возможность назначения смертной казни в связи с обязательствами по протоколу № 6.

Итак, как мы видим, правовыми предпосылками и основанием для сокращения, а затем и полной отмены применения смертной казни в России явились во-первых, отсутствие судов присяжных в каждом из субъектов Российской Федерации, что теперь уже давно не актуально, и, во-вторых, вхождение России в Состав Европы и присоединение в связи с этим к соответствующим международным нормативным правовым актам.

Отсюда логично вытекает тот факт, что в настоящее время дискуссия о применении смертной казни в стране вновь актуализировалась с новой силой, поскольку Россия в марте 2022 года вышла из состава Совета Европы спустя 26 лет участия. Для России прекратили действовать международные договоры Совета Европы, которые она исполняла как член этой организации.

Таким образом, на сегодняшний день перестали существовать те юридические барьеры, которые препятствовали применению смертной казни в России.

Особо обращает на себя внимание тот факт, что обсуждение вопроса применения смертной казни актуализировалось не только в юридическом сообществе в самом широком смысле этого понятия, но и в том числе среди высоких представителей различных ветвей государственной власти.

Так, например, заместитель председателя Совета безопасности Российской Федерации Дмитрий Медведев после того, как Россия объявила о выходе из Совета Европы заявил следующее: «В современной России действует мораторий на смертную казнь. Весьма гуманно. В отличие, кстати, от всех крупнейших стран с ядерным оружием (США, Китай, Индия). Хотя, еще раз подчеркну, и в рамках нынешней Конституции мораторий на смертную казнь может быть преодолен в случае необходимости при изменении правовых позиций Конституционного суда России. Это вопрос выбора средств защиты интересов наших людей, государства и общества».

Не согласился с Медведевым председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственной

му строительству Андрей Клишас, заявив о невозможности возвращения смертной казни.

В июне 2022 года председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Зорькин на Петербургском международном юридическом форуме обозначил консолидированную позицию судей Конституционного суда, согласно которой то, что Россия покинула Совет Европы, действия моратория на смертную казнь не прерывает. Более того Зорькин подчеркнул, что для возобновления смертной казни необходимо принятие новой Конституции страны.

Теракт в «Крокус Сити Холле» с новой силой подогрел дискуссию о возвращении к практике смертной казни в России. Так, инициировать вопрос об отмене моратория на казнь для осужденных за терроризм планировали ряд депутатов Государственной Думы Российской Федерации. Вновь по указанной теме высказался и Валерий Зорькин, отвечая на вопрос журналистов, готов ли Конституционный Суд сейчас высказаться по вопросу о смертной казни, Зорькин отметил, что Суд готов ответить, но только после официального запроса уполномоченных заявителей.

Таким образом, полагаю, что на сегодняшний день созрела объективная необходимость в принятии Конституционным Судом нового, актуального определения, разъясняющего возможность или невозможность применения смертной казни на территории России с учетом новых правовых реалий.

Что касается целесообразности, необходимости и допустимости применения смертной казни: традиционно общество здесь делится на два лагеря.

Общественного консенсуса по данному вопросу нет. Сторонников и противников применения смертной казни примерно поровну. Об этом говорят большинство проведенных социологических опросов. Мной также неоднократно поднимался данный вопрос перед студентами, магистрантами. Проводился опрос и в социальных сетях. Как правило, соотношение мнений по этому вопросу всегда сводится к минимальному перевесу в ту или иную сторону. Подавляющего преимущества ни одна из позиций не имеет, что также подтверждает актуальность данного вопроса.

Любопытный факт: при проведении мной последнего на сегодняшний день опроса в одной из социальных сетей в марте текущего года, все без исключения проголосовавшие коллеги-адвокаты отдали свой голос за полный запрет смертной казни — профессиональная схожесть мышления в действии.

Я также разделяю данную точку зрения и являюсь противником смертной казни. Полагаю, что со всех сторон более правильным вариантом является полный запрет на ее применение, для чего необходимо признать утратившей силу статью 59 Уголовного кодекса Российской Федерации, поставив точку в данной дискуссии на законодательном уровне.

Во-первых, считаю, что современное цивилизованное государство с развитыми, эффективными институтами и одновременная допустимость применения наказания в виде смертной казни — плохо сочетаемые явления, поскольку данный вид наказания скорее соответствует принципу талиона («око за око, зуб за зуб»), истоки которого отсылают нас еще к первобытным народам.

Не нравятся высокие разговоры о цивилизованном государстве, нормах морали и тому подобное? Тогда предлагаю посмотреть на данный вопрос с другой точки зрения.

На мой взгляд, сторонники применения смертной казни за наиболее тяжкие преступления руководствуются прежде всего эмоциями, справедливо считая, что к наиболее опасным и жестоким преступникам должна применяться высшая мера наказания.

Я же смотрю на данную ситуацию несколько иначе: не с точки зрения какой-либо жалости к преступникам, а как раз наоборот. Я считаю, например, что для тех же террористов, расстрелявших десятки людей в «Крокус Сити Холле», расстрел (а это единственный предусмотренный законом способ исполнения смертной казни в России) будет слишком простым, быстрым и мягким наказанием за содеянное. Я, конечно, не предлагаю вернуться к некоторым историческим видам смертной казни, таким как бросание к хищникам, повешение за ребро или посадение на кол, а лишь высказываю мнение, что пожизненно лишение свободы в жесточайших условиях содержания

будет в большей мере соответствовать восстановлению социальной справедливости, чем смертный приговор.

Применительно к адвокатуре, полагаю, что в случае возврата применения смертной казни в качестве вида наказания ответственность работы адвоката увеличится многократно.

Все мы (или по крайней мере большинство из нас) осуществляем защиту в том числе и по уголовным делам об особо тяжких преступлениях. Полагаю, никого не должен смущать тот факт, что в настоящее время санкции лишь немногих статей Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают наказание в виде смертной казни.

Правоохранительная и судебная система в современной России работают таким образом, что в случае принятия той или иной правовой нормы, она, как правило, начинает активно работать вне зависимости от объективной необходимости ее применения: этому способствует в том числе критерии оценки работы, основанные на количественных показателях.

Предполагаю, что похожий сценарий возможен и применительно к смертной казни. Мало сомнений в том, что в случае принятия соответствующего политического решения о возврате применения смертной казни в России, применяться она будет если не часто, то регулярно. Готовыми к этому нужно быть уже сейчас.

АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

*Пичугин Антон Сергеевич, адвокат
«Алтайская краевая коллегия
адвокатов»
Адвокатская фирма «Аргумент»*

Концепция регулирования рынка юридической помощи, существующая как проект, подготовленный Минюстом (далее — Концепция), появилась в результате реализации Государственной программы «Юстиция» 2014 года¹, которая помимо прочих, поставила задачи: упорядочение системы оказания квалифицированной юридической помощи, в том числе оказываемой бесплатно, и регулирование рынка оказания квалифицированной юридической помощи; обеспечение оказания квалифицированной юридической помощи адвокатами, в том числе бесплатно.

В связи с чем необходимо было произвести совершенствование нормативной базы, внести изменения в Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре). Также потребуется внесение изменений в процессуальное законодательство,

---

¹ Государственная программа Российской Федерации «Юстиция», утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 312 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 18 (ч. II).

законодательство о государственных и муниципальных закупках и ряд других законодательных актов.

Безусловно, Концепция является актом политической воли, но, если обратиться к её общим положениям, трудно назвать явного её бенефициара. Содержание акта направлено как на решение государственно-управленческих задач, так и на исключительно задач получателей юридических услуг, а также и профессиональных участников рынка. Минюст РФ, занимавшийся разработкой Концепции, утверждает, что в ней учтены интересы представителей всех юридических профессий, включая международные юридические компании, а также интересы общества, преимущественно в лице средств массовой информации.

И всё-таки предметом жарких споров при обсуждении проекта Концепции, стало то, что принято именовать адвокатской монополией.

Разработчик Концепции указал, что саморегулирование юридической профессии является давним вопросом, обусловленным наличием двух групп участников юридического рынка, адвокатов и тех, кто такой статус не имеет. К адвокатской деятельности применяются профессиональные стандарты и этические требования, а для лиц без статуса, никакие правила не установлены. В этом видят проблему заказчики юридических услуг, ошибочно поручая представительство по своим делам недобросовестным исполнителям, а также представители судейского корпуса, сетующие на отсутствие ответственности судебных представителей без статуса адвоката.

Напомню, что при анализе возможных вариантов упорядочения системы оказания профессиональной юридической помощи рассматривались два основных сценария: введение института саморегулирования части рынка, для которой правила предоставления юридических услуг не установлены, или объединение всех участников рынка на площадке модернизированной адвокатуры.

Окончательное решение предполагает объединение всех участников рынка в адвокатское сообщество. Для нас, как для действующих адвокатов, реализация Концепции — наше настоящее и будущее.

Первый вариант не был принят ввиду опасений недостаточного контроля над отраслью. Сомнительно, в случае, когда этот контроль сейчас вовсе не осуществляется. Другими препятствиями являются потенциальное создание двойных стандартов, когда стандарты саморегулируемого сообщества юристов будут отличаться от стандартов оказания юридической помощи в адвокатуре.

Со сторонниками Концепции нельзя не согласиться, что только адвокатура сейчас обладает подготовленной площадкой для объединения участников рынка. Однако одним этим обстоятельством проблемные аспекты не устраняются.

Итак, когда мы говорим о монополии, мы предполагаем исключительное право представителя профессии адвоката на оказание юридической помощи. В рамках предстоящей реформы мы подразумеваем конкретный вид юридической помощи — судебное представительство.

Уже десять лет назад среди государств мира наблюдалась следующая статистика (по данным Концепции): в 76% процентах государств существовала адвокатская монополия на весь спектр юридических услуг, в большей части из них юридически; ещё в 14% на судебное представительство; и лишь в 10% случаев монополия распространялась только на защиту по уголовным делам.

Казалось бы, выбор в пользу исключительного представительства адвокатов по всем категориям дел и юридических услуг очевиден. Но разработка Концепции вызвала наиболее оживленные споры и принципиальные позиции в юридическом сообществе. Это обусловило довольно длительный период, в течение которого Минюст России пришёл к окончательному формированию правил осуществления предстоящей реформы.

Напомню, что согласно Концепции, планировалось уже с 2023 года оказывать юридическую помощь на возмездной основе должны были только адвокаты.

Так что же вызывает наибольшие споры в процессе согласования реформы?

Например, ограничения, связанные с формами юридической деятельности адвокатских образований. В коммерческих организаци-

ях более выгодные для их участников системы налогообложения, эффективные системы распределения прибыли между участниками юридических фирмы.

Или тот факт, что Конституционный суд РФ в 2000-х годах уже отменял попытку адвокатской монополии в арбитражных судах.

Противниками адвокатской монополии указывалось на отсутствие конкуренции, что в целом может привести к эффекту обратному целям совершенствования рынка юридических услуг.

А также на увеличение давления на адвокатов. Скорее всего, в той или иной мере это случится в действительности. Монополии, как и чём бы они не проявлялись, всегда предопределяют повышенный интерес со стороны государства. И государственное вмешательство наблюдается уже сейчас. Одним из его примеров можно озвучить законодательную инициативу о включении ещё одного члена в квалификационные комиссии адвокатских палат, дабы уравнивать количество адвокатов и представителей общественности. То есть уравнивать число голосующих представителей адвокатуры с другими членами адвокатской профессии.

Ещё один аспект давления на адвокатское сообщество состоит в потенциально возможном регулировании численности адвокатов.

Становление адвокатской монополии в контексте подобных законодательных инициатив выглядит несколько тревожным, поскольку адвокатура в моём понимании — это не только юридическая профессия и объединение адвокатов, но и институт гражданского общества, призванный не столько выполнять задачи государственного значения по оказанию квалифицированной юридической помощи, но прежде всего оказывать услуги обществу в восстановлении нарушенных прав и реализации свобод.

И хотя адвокатская монополия, как спонтанно сформировавшийся термин, имеет не так много общего с экономическим пониманием монополии, ряд обстоятельств эти понятия сближает. А значит и существует притязание на государственные ограничения и регулирование.

Монополия случается тогда, когда продавец в состоянии оказывать существенное влияние на предложение и цену товаров, что в конечном итоге приводит к неэффективному распределению ресур-

сов. Предпосылки конкуренции при этом ограничены или вовсе отсутствуют.

Адвокатская монополия не является сугубо правовым и оторванным от социальных процессов феноменом. Соединение двух терминов из разных наук для описания формы организации рынка юридических услуг позволяет говорить о многозначности адвокатской монополии, которая одинаково относится к деятельности людей, которые составляют часть адвокатуры, законодателей и судей, покупателей и продавцов юридических услуг.¹

Социологический и экономический аспекты введения адвокатской монополии широко обсуждались при разработке проекта Концепции. Было высказано множество оценок за и против монополии.

Правовой подход к проблеме адвокатской монополии скорее всего ещё будет оставаться предметом споров даже после реализации программы. Какие правовые моменты можно обозначить уже сейчас?

В соответствии со ст. 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Данное положение означает конституционную обязанность государства обеспечить каждому высокий уровень юридической помощи, в некоторых случаях ещё и бесплатно.

Чтобы положения Конституции РФ не оставались декларацией, государство должно создать условия для подготовки профессиональных юристов, осуществлять финансирование бесплатной юридической помощи, и то, что важно в контексте настоящей работы, установить профессиональные квалификационные требования и критерии качества помощи.²

Конституция РФ не содержит указания на критерии, соблюдение которых свидетельствует о должном уровне квалификации лиц, оказывающих гражданам юридическую помощь. Определение таких критериев для лиц, допускаемых к оказанию юридической помощи относится к компетенции законодателя.

---

¹ М.В. Пенизев Основные подходы к пониманию института адвокатской монополии в российской и международной практике // Журнал «Российское право: образование, практика, наука». № 3 2020. С. 82-93

² Постановление Конституционного суда РФ № 2-П от 28.01.1997 По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР

Подобные критерии законодатель определил в ст. 49 ГПК РФ, 59 АПК РФ, 55 КАС РФ, в которых ограничил возможность участия представителей в судебном производстве для лиц без высшего юридического образования.

Исключение на данный момент составляют дела, рассматриваемые мировыми судьями и районными судами в порядке, предусмотренном ГПК РФ.

Вместе с тем, процессуальные кодексы указывают также и на лиц, кому запрещено быть представителем в судах. В ГПК РФ это статья 51, в АПК РФ статья 60. В части 2 ст. 60 КАС РФ также говорит о введении законодателем запрета отдельным лицам быть представителями. Ни одна из перечисленных норм не содержит прямого указания на запрет быть представителем в судах без наличия высшего юридического образования. Данную позицию её сторонники подкрепляют принципом публичного права, позволяющим всё, что прямо не запрещено законом. В то время как нормы построены по форме, что представителями «могут», но не «должны» быть лица с высшим юридическим образованием.

Тем не менее, логическое, системное и даже языковое толкование процессуальных норм говорит об императивном характере требований к представителю. В противном случае, смысл существования этих норм вовсе бы терялся. Излишне вольным и необоснованным является и использование правового принципа «незапрещенное дозволено законом».

С другой стороны утверждается, ограничения связанные с участием в суде представителей не соответствуют ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В этой связи допуск к участию в судопроизводстве не только адвокатов, но и лиц вовсе без юридического образования, не посягает ни на одну из этих ценностей. Кроме того, право выбора судебного представителя принадлежит непосредственно участнику судебного процесса, а не законодателю или суду.

Конституция РФ, как и представляется разумным, не конкретизирует пределы ограничения прав и свобод. В каждом случае эти пределы должны определяться индивидуально. Чтобы норма права ограничила представительство и допустила к процессу только лиц со статусом адвоката, она должна отвечать требованиям социальной справедливости, то есть отвечать интересам общества и государства. Как я полагаю, повышение эффективности суда и обеспеченности квалифицированной юридической помощью — цели, объединяющие государство и общественность.

Нельзя обойти стороной положения ст. 8 Конституции РФ о гарантиях единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержке конкуренции, свободе экономической деятельности. Она редко упоминается противниками монополии адвокатов на судебное представительство, хотя является самым непосредственным положением о конкуренции нашего «основного закона».

Но обстоятельства обсуждения проекта Концепции не дают оснований для вывода, что предлагая адвокатскую монополию на судебное представительство, реформатор намеревался кардинально поменять сложившийся баланс конституционно значимых ценностей, отдав безоговорочный приоритет институту оказания профессиональной юридической помощи в ущерб праву на судебную защиту, и в частности на доступ к суду. Целью было и остается повышение эффективности защиты прав граждан и организаций, качество правосудия, оптимизация судебной нагрузки, достижение чего предполагает профессионализацию судебного процесса, усиление гарантий получения квалифицированной юридической помощи и повышение ее качества.

В российском законодательстве уже существует база для определения качества юридической помощи и квалификации тех лиц, которые его оказывают. Это адвокатская деятельность, определенная как таковая в ст. 1 Закона об адвокатуре.

Адвокатура не входит в систему органов государственной власти и местного самоуправления. И здесь положения ч. 1 ст. 48 Конституции РФ вступают в конкуренцию с положениями ч. 2 ст. 34 Консти-

туции РФ: не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию.

Конечно, отраслевое законодательство допускает существование естественных монополий, под которыми понимается тот случай оказания услуг, когда отсутствие конкуренции удовлетворение спроса оказывается более эффективным.

Но отраслевое законодательство об ограничении конкуренции не предполагает изменений в результате реформирования рынка оказания юридических услуг. Да и экономической адвокатскую деятельность считать не принято. Сама же Концепция, предлагая новые формы адвокатской деятельности, позволяющие эффективно распределять прибыль и выступать в отношениях с доверителями от имени адвокатского образования, сближающие деятельность адвокатуры с экономической, все же отстаивает необходимость сохранения положений закона о некоммерческом характере деятельности адвокатуры.

При всей социальной значимости цели установления адвокатской монополии раскол юридического сообщества обусловлен существованием экономических субъектов — предпринимателей и компаний, оказывающих юридические услуги, и адвокатских некоммерческих организаций. И юристов без статуса значительно больше, чем адвокатов. С точки зрения некоммерческой деятельности адвокатов легко объясняется ограничение конкуренции на рынке юридических услуг, но с точки зрения экономической деятельности в этой области общественной жизни ч. 1 ст. 8 и ч. 2 ст. 34 Конституции РФ на мой взгляд могут ограничивать свободу выбора судебных представителей в случае предъявления уже существующих требований к претендентам в адвокаты. Снижение же требований к претендентам в адвокаты привнесет эффект обратный задуманному авторами Концепции. Качество юридической помощи может снизиться, а число нечистых на руку представителей профессии может только возрасти.

ПЕРЕВЕРЗЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
«АДВОКАТУРА: прошлое, настоящее, будущее»

Главный редактор Г.В. Харламова
Технический редактор П.Я. Бурьянов

Подписано в печать 18.07.2024 г. Объем 6,28 уч.-изд. л.
Формат 64x90 1/16. Бумага офсетная. Тираж 250 экз. Заказ

Отпечатано в типографии «Новый формат»,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,
nf-kniga@yandex.ru,
сайт: типография-новый-формат.рф